

Точка перехода

Автор:

Роман Злотников

Точка перехода

Роман Валерьевич Злотников

Аномальные зоны, магия, телепатия, космические пришельцы – у кого-то рассуждения на подобные темы вызывают смех, кто-то пытается найти всему рациональные объяснения, а кто-то собирает факты, чтобы хоть немного приблизиться к ответу на вопрос «Как устроен этот мир?». Студент Черный повидал немало шарлатанов и сам наигрался в волшебников-экстрасенсов. Его однокурсник Михаил интересуется только хоккеем и живет в свое удовольствие. Но именно им предстоит узнать, что Земле угрожает опасность из космоса и что рядом с ними есть те, кто может ответить на многие важные вопросы...

Роман Злотников

Точка перехода

Предисловие

Эта книга для меня очень необычна. Во-первых, я писал ее по заказу. И это случилось в первый раз. Поэтому работа над ней у меня шла очень сложно. Одно дело, когда какая-то книга уже обдумана, созрела у тебя в голове и тебе остается только ее записать, а другое – когда тема, сюжет и даже эпизоды заданы кем-то другим. После этой книги я вообще понял, что писать «под заказ» мне очень трудно. Во-вторых, она написана со слов людей, с которыми и происходила бо́льшая часть событий, описанных в этой книге (не все, конечно, –

все-таки это фантастический роман, но совершенно точно бо?льшая часть). Отдельные куски – это просто расшифровка диктофона. Именно этим и вызваны некие огрехи – скажем, «подвисание» некоторых сюжетных линий, персонажей, сумбурность некоторых диалогов и так далее. В любом случае в этой книге все описано так, как оно было с теми, кто мне все рассказывал. Было и будет. Потому что в отличие от книги, которая закончена, жизнь людей, воссозданная в ней, продолжается. И хочется верить, у них еще очень многое впереди. Опасное и удивительное, привычное и неожиданное, обыденное и невероятное. Так пожелаем же им удачи...

Роман Злотников

Пролог

– А у него точно бабло есть?

– Да точно, я тебе говорю! Я сам видел: у него в борсетке баксов – целая пачка! И «Ниву» нулевую в прошлом месяце взял!

– Так, может, он на нее все и спустил?

– Я ж тебе говорю, у него борсетка пухлая, – уверенно заявили хриплым голосом.

– А чего ж тогда «Ниву» взял, а не иномарку?

На этот аргумент второй собеседник нашел возражение не сразу. Поэтому в темной норе, ведущей в подвал недостроенного дома, на некоторое время установилась озадаченная тишина. А действительно, если есть бабло, так чего же не взять «самое-самое»? Жить же надо по полной, на все деньги...

– Да хрен его знает... – спустя пять минут напряженных размышлений вновь вступил хриплый. – Но борсетка у него пухлая, точно. Не газету же он там таскает? – И хриплый заржал от такого дурацкого предположения, даже не догадываясь, что начало одному из самых больших состояний мира когда-то

положила именно газета, причем выброшенная с проплывавшего мимо корабля.

– Да тише ты, спугнем еще! – досадливо отозвался напарник. И хриплый тут же замолк. На некоторое время в норе установилась тишина, но она продолжалась недолго. Спустя буквально три минуты из темноты вновь раздался хриплый голос:

– Да где ж он, сука?! Задубел уже совсем, пальцев на ногах не чую... Слушай, я курну. – И через несколько секунд в темноте заалел огонек сигареты.

– А давай и мне сигаретку.

Пару минут оба молчали, а затем вновь заговорил первый:

– А ты уверен, что он здесь пойдет?

– Он всегда здесь ходит, через стройплощадку. Он «Ниву» на стоянку ставит, ну, которая на углу, а потом идет домой. А тут, если не через стройплощадку, обходить почти квартал.

– А если он сейчас «Ниву» около дома оставит?

– Это чего это около дома? Всегда на стоянку ставил, а сегодня, поди ж ты, около дома?

– Ну а если?

– Отвянь!

И в норе опять установилась тишина.

– Слышь, а как думаешь, сколько бабла зашибем? – спустя минуту вновь прорезался первый. – Ну, тысяч пять будет?

– Да какой – пять?! Я ж тебе говорю, у него в борсетке баксов целая пачка. Во такая! Десять – точно!

– Значит, по пять на брата?

– А то... – мечтательно произнес хриплый. – Слышь, а ты на чё свои бабки тратить будешь?

– Не знаю. Не думал еще... А ты?

– А я «бэху» возьму. В тридцатом кузове. У одного моего кореша такая. Ласточка!..

– Тихо!

За углом слышался скрип снега под каблуками. Кто-то приближался.

– Туши сигарету, быстро! – придушенно зашипел хриплый, а его поделщик зло ругнулся:

– Черт, и половины не скурил! Ну, курва, он мне за эт... – и замолк, потому что ладонь хриплого заткнула ему рот.

Шаги приближались. Из норы отчаянно несло табаком и по?том. Наконец неизвестный показался из-за угла. Шаг, другой, третий...

– Он, сука! – обрадованно взревел хриплый, и две неясные тени, скользя и матерясь, рванули вверх по деревянному трапу с набитыми поперек него рейками, который торчал из подвальной норы.

– Стой, мля!

Человек, к которому был обращен этот возглас, остановился и, слегка наклонив голову, уставился на двух дебилов, наконец-то вылезших из подвала. В руках одного из них был обрезок водопроводной трубы. Второй щеголял форсистым ножом с наборной рукояткой и лезвием из нержавейки, в дворовых кругах именуемым «зоновским».

– Ну ты, сука, борсетку гони!

– Зачем? – поинтересовался человек.

Этот вопрос сильно озадачил обоих нападавших. У них был точный и тщательно разработанный план устройства собственной жизни на ближайшее время, который включал в себя три пункта: «напасть, отобрать, и всё, ништяк». Никаких вопросов типа «зачем?» этот план не предусматривал. Поэтому возникновение вопроса завело их в некоторый тупик.

– Ты чё, не понял?! – заорал хриплый, взмахивая обрезком трубы, подобно Александру Македонскому решив одним ударом разрубить внезапно образовавшийся логический gordiev узел и двинуться дальше к светлому будущему. Вернее, к тому, что представлялось ему таковым. В конце концов, он был в своем праве. Ему нужны были деньги, а у этого урода (мир хриплого вообще состоял только из трех категорий человекообразных существ – уродов, корешков и клевых телок) они были.

– Нет, – качнул головой человек.

– Ну ты, мля, допросился! – угрожающе просипел хриплый и снова размахнулся обрезком трубы.

Стоявший напротив него человек быстрым движением отогнул полу короткой куртки и вырвал из-за пояса пистолет с навинченной на ствол короткой трубкой глушителя.

Пс-с-с!..

Дебил с трубой без всхлипа опрокинулся назад, украсившись маленькой красной точкой чуть ниже центра лба, как будто индеец из фильмов с Раджем Капуром, не так давно заполнявших экраны тогда еще советских кинотеатров. Человек молча развернул ствол на второго, с ножом.

– Э-э, ты чё?! Ты совсем охре...

Пс-с-с!.. И еще одно тело грохнулось на мерзлую землю, обзаведясь точно таким же украшением, что и первое.

Человек несколько мгновений молча смотрел на два трупа, а затем поднял оружие вверх и движением пальца включил предохранитель. Курок сухо щелкнул, вставая на предохранительный взвод. Человек убрал пистолет и, сделав шаг вперед, наклонился над первым телом. Появления неожиданных свидетелей он не опасался – в это время через стройплощадку, заброшенную еще в конце восьмидесятых, ходить никто не рисковал. Не говоря уж о том, что здесь запросто можно было навернуться в одну из ям или траншей, густо усеивающих поверхность земли, либо пропороть бок торчащей из-под снега арматуриной. Иногда здесь случались неприятности и похуже. Например, типа той, которой он только что благополучно избежал (а два дебила – наоборот). К тому же человек прекрасно чувствовал, что происходит вокруг него в радиусе где-то около ста – ста пятидесяти метров. И в случае появления каких-нибудь нежелательных свидетелей у него было достаточно времени, чтобы покинуть место действия. И этих двух дебилов он так же почувствовал сразу, как ступил за полуразвалившийся забор стройплощадки. Даже раньше. Уж больно сильно от них несло злостью и жадностью. Но как угрозу он их не воспринял, что, впрочем, и подтвердил результат столкновения.

– Интересно, – совершенно спокойно, будто разглядывал не трупы двух людей, которых за несколько мгновений до этого момента сам и лишил жизни, а занимался исследованием некоего образца или анатомического препарата, пробормотал он себе под нос. – Очень явно выраженные признаки деградации. – Человек прикрыл глаза и замер, словно прислушиваясь к чему-то, а затем снова произнес: – И в ментальной сфере тоже... Ну не орите, не орите! Сами виноваты. Неужели было неясно, что если некто столь спокойно и открыто демонстрирует какую-то ценность, скорее всего он способен ее защитить? Впрочем, да, вам — непонятно.

Он открыл глаза, задумчиво покачал головой и двинулся вперед, напоследок пробормотав себе под нос:

– И все же какая-то очень неожиданная скорость деградации. Стоит предложить Совету провести эксперимент...

Через минуту его шаги затихли, и на стройплощадке остались только два мертвых тела и затухающий огонек сигареты, тускло светящийся из той норы, где двое неудачников поджидали свою оказавшуюся столь опасной жертву.

– Черный, эй, Черный!

Крепкий, но не слишком высокий парень, одетый в черные джинсы и джемпер, с черной же сумкой через плечо, в которой болтались лекционные тетради, неторопливо обернулся. К нему быстрым шагом приближался его сокурсник, с которым он до сего момента не состоял в особенно близких отношениях. Впрочем, и в контрах тоже.

– Да, Миша.

– Слышь, ты парень головастый, не поможешь мне с одним делом?

– Возможно, а что за дело-то?

– Отойдем. – Михаил мотнул головой в сторону высокого оконного проема. Длинный коридор института был заполнен студентами, спешащими кто в аудиторию, кто в кафешку, а кто и вообще из института.

– Слушай, ты с монетами дело имел? – начал Михаил, когда они присели на подоконник.

– Некоторым образом. А что?

– Да понимаешь... – Михаил полез в карман. – Мне тут одна интересная монетка попалась. Никто не может сказать, что за хрень. Я с мужиками перетер – никто не знает. Говорят, подделка. Но по виду вроде как вещь старая.

– А в Фидо не спрашивал?

– Где?

Черный терпеливо пояснил:

– Ну, сеть такая компьютерная есть. Фидонет называется.

– Фидо... нет, не спрашивал. Да ты сам посмотри. Вот, я принес.

Черный взял из рук Михаила маленький округлый кусочек металла с не очень ровными краями и поднес к глазам. Некоторое время он рассматривал его, потом колупнул ногтем, а затем отвел руку и развернул так, чтобы солнечный свет падал на монетку немного под другим углом.

– Интересно...

– Что? – тут же вскинулся Михаил.

– Похоже, это у тебя не обычная монета.

– А что?

– Пантакль.

Михаил озадаченно потерся ухом о плечо.

– А что это?

– Ну, амулет. Оберег. Им часто придавали круглую форму, поэтому они и похожи на монеты. Кстати, пантакли, как правило, обладают довольно большой ценностью. Для знающих людей, конечно.

Михаил задумчиво кивнул.

– А ты таких людей знаешь?

– Немного. – Черный уже давно интересовался магией и на этом поприще пользовался немалым авторитетом среди тех, кто также пытался искать новые возможности в жизни.

– Если понадобится – сведешь?

Черный пожал плечами:

– Не знаю. Все не так просто. Если люди заинтересуются, то да.

– Как это «если заинтересуются»? – не понял Михаил.

– Ну, понимаешь, по-настоящему знающие – они, как правило, избегают контактов и идут на них, если только им предложить то, что представляет интерес для них самих.

– Да брось ты, – усмехнулся Михаил, – в любой газетке рекламы полно.

Черный усмехнулся:

– Ну, я же говорю о по-настоящему знающих. А в газетках – это так, люди деньги зашибают.

– То есть там фуфло?

– По большей части. Хотя, возможно, кто-то что-то и умеет, но в основном – примитив. Понимаешь, по-настоящему маг может работать только с одним объектом. Ему надо настраиваться на него, причем довольно долго, потом готовить ритуал, часто даже создавать некие артефакты. И все это несколько дней, во время которых он должен соблюдать довольно строгие правила. Не думать о других, не осуществлять никаких магических действий, направленных на другие объекты или других людей. Ну, там много всего... А если у тебя по пять сеансов в день, да еще то мужчина, то женщина, да еще магия разнонаправленная... – Черный пренебрежительно скривился. – К таким обращаться – смысла нет. Могут вообще не понять, что это такое, и купят просто как бирюльку экзотическую, чтоб антуража добавить. А вещь может оказаться опасной. И если, не дай бог, пробудят ее – мало не покажется. С амулетами надо работать осторожно, как и с любым артефактом в принципе.

Михаил пожал плечами:

– Да не все ли равно? Если дадут хорошую цену, потом пусть сами и разбираются. А если что не так – нам-то какое дело?

Черный отрицательно качнул головой:

– С магией так нельзя. Если магическая вещь попала тебе в руки, то ты с ней, как правило, уже как-то становишься связан. Так что, если кто с ней сильно напортачит, откат может пойти по всей цепочке.

Михаил наморщил лоб и несколько опасливо посмотрел на монету.

– А ты с этими, ну, амулетами, умеешь работать?

Черный пожал плечами:

– Принципы знаю, кое с чем работал, но по поводу твоего пантакля ничего сказать не могу. Сначала надо покопаться в литературе, с людьми посоветоваться.

– Ну, так ты посоветуешься?

– Попробую. Дай мне несколько дней.

– Да без проблем, – улыбнулся Михаил и протянул руку для прощания.

Добравшись домой, Черный наскоро перекусил, а затем достал из тайника один предмет, который уже довольно давно занимал его очень сильно. На первый взгляд это была обычная тетрадь в бумажной обложке, из тех, что в советское время продавались повсеместно за три копейки. Но он подозревал, нет – был совершенно уверен в том, что на самом деле это могущественный артефакт. Таковым тетрадь делало ее содержимое...

Все началось не так давно. Черный довольно сильно продвинулся в изучении различных эзотерических практик. Настолько, что уже был способен использовать некоторые навыки в обыденной жизни. Правда, по-крупному он мутить еще не рисковал. Так, по мелочам. Ну там нужный билет подвести себе на экзамене. Побудить преподавателя спросить его на семинаре или, наоборот, на этом конкретном семинаре не спрашивать. Такие простенькие плетения,

совершенно не заставляющие людей поступать вразрез со своими собственными желаниями, а лишь немного корректирующие их, почти не несут в себе опасности. Если, естественно, применять их осторожно и не слишком часто. Но на этом Черный практически исчерпал все свои возможности более-менее безопасного развития собственных способностей.

Дальше было два пути: либо рискнуть и воспользоваться той информацией, обрывки которой удалось накопить, надеясь не сильно напортачить и кое-что понять, но с совершенно непредсказуемым результатом, либо искать контакт с теми, кто продвинулся намного дальше него, и просить их позаниматься с ним, поучить.

Двигаться первым путем, то есть рисковать повторять чужие плетения, в которых он понимал лишь малую толику, Черный не решился. Он уже тогда, во многом чисто интуитивно, начал понимать, что с магией все не так просто, что эта сила подчиняется неким пока непонятым ему законам, и если обращаться с ней бездумно, очень легко уподобиться дикарю-бушмену, заглядывающему в ствол слоновьего штуцера в тот момент, когда его рука давит на спусковой крючок. Так что оставался только второй путь – искать знающих людей. Но где и как их найти, Черный даже не представлял.

Поход по практикующим магам и колдуньям ничего не дал. На прямые вопросы те предпочитали не отвечать, то ли опасаясь выдать конкурентам сокровенные тайны, то ли просто ни фига не зная. Попытка оценить кандидатов на роль учителя с позиции клиента также принесла сплошные разочарования. Большинство тех завываний и так называемых магических пассов, которые демонстрировали «дипломированные специалисты» и «маги высшей категории», были страшно далеки даже от тех базовых принципов, в которых Черный уже худо-бедно разобрался. Похоже, все эти «потомственные колдуны» и «ясновидящие в шестом поколении» не имели никакого представления об ориентации линий силы в московском регионе и принципах формирования информационного посыла в процессе производства ритуала.

В Фидо также с информацией было туго. То есть там ее было немерено. Но выкладывали ее туда в основном обычные мальчишки и девочки (ну или дяденьки и тетеньки), просто сильно интересующиеся данной темой. Причем по большей части выкладывали навалом, без какой-то систематизации. Кто-то что-то где-то услышал и прочитал и теперь «спешит сообщить». Так что польза от этой информации для Черного стремилась к нулю по экспоненте. Впрочем, иногда и

там можно было накопать кое-что полезное. Так, например, он узнал о скорой очной тусне в Белгороде. Черный всегда был легок на подъем, поэтому уже на следующий день он трясся на полке плацкартного вагона, движущегося в сторону южной российской границы.

Тусня оказалась довольно забавной, но малоинформативной. Нет, там было довольно весело. Народ делился событиями, щеголял нарядами, самодельными амулетами, кольцами и иными фенечками определенного толка, вечерами пил в спонтанно образующихся компаниях и пел под гитару. Черный присмотрел несколько довольно интересных вещиц, пошлялся в толпёшке и случайно забрел на выступление группы из Старого Оскола, которая, как выяснилось, довольно серьезно занималась древними ритуальными танцами. Выступление этой группы сразу привлекло его внимание в первую очередь тем, что ребята вели танец наискосок площадки. У многих зрителей это вызвало недоумение, а то и раздражение. Ну неудобно же смотреть, когда танцоры постоянно двигаются полубоком. Но для Черного это явилось прямым указанием на то, что ребята как минимум кое-что понимают. Ибо для ритуального танца очень важна ориентация относительно линий силы или хотя бы по сторонам света. А площадку для выступлений отгородили как придется, что сразу продемонстрировало уровень организаторов.

Вечером Черный познакомился с одним парнем из этой группы. Получилось на первый взгляд спонтанно и неожиданно удивительно. Он шел по коридору, услышал голоса, сунул нос в помещение, откуда они доносились, и нарвался на возглас совершенно незнакомого парня:

– А, Черный, заходи, садись!

Черный сначала удивленно замер, а затем послушно сел.

– Слушай, а откуда ты меня знаешь? – спросил он парня спустя несколько минут. Тот недоуменно пожал плечами:

– Да я и не знаю. Просто само вырвалось. Ты же во всем черном, вот я тебя так и позвал.

Черный нервно хмыкнул – он не слишком верил в случайные совпадения. Чаще всего случайность – это пока неопознанная закономерность...

О чем они с парнем, оказавшимся танцором из старооскольской группы, говорили сначала, он уже особо и не помнил. Но к середине ночи разговор как-то сам собой перетек на интересующую Черного тему.

– Это тебе на Галыгинскую гать надо, – авторитетно заявил цыган (а парень, ко всему прочему, оказался именно цыганом).

– Куда?

– Место такое есть под Воронежем, – пояснил цыган. – Остров среди болот. Там линия силы очень близко проходит. Так вот там очень серьезные люди собираются.

– А когда?

– В полнолуние. Или, наоборот, в новолуние. Когда им для ритуалов лучше. Но не во всякое. На Вальпургиеву ночь, например, считай, каждый год.

– А как туда попасть?

– Э-э-э, – цыган махнул рукой, – сам даже и не думай! Даже если дорогу знаешь и днем там бывал, когда такие люди собираются – сам не пройдешь. Они так защищаются, что на остров без приглашения попасть невозможно. А вот заплутать и в болоте сгинуть – очень запросто.

Черный задумался. Информация была похожа на правду. Очень вероятно, что там действительно собираются те, подходы к кому он так долго искал.

– А ты как обо всем этом узнал?

– Да вот узнал, – усмехнулся цыган, – но рассказывать тебе про то не буду. Сам понимаешь...

Черный кивнул. Он понимал. И нежелание цыгана делиться информацией для человека, действительно разбирающегося в магии, скорее работало в пользу истинности его слов, чем против. Но на всякий случай, больше для проформы и

чтобы самому не показаться лохом, Черный спросил:

– А не гонишь?

– Да ты чего? – оскорбился цыган. – Не веришь – не надо. Тебе нужно – не мне.

– Ну ладно, не обижайся, – примирительно сказал Черный. – А меня ты провести сможешь?

Цыган задумался.

– В принципе – да. Только это дело не простое. Надо сначала с людьми поговорить.

Из Белгорода Черный уехал, обменявшись с цыганом адресами и телефонами. Так что, когда спустя некоторое время тот появился на пороге его квартиры, он не особенно удивился. Хотя подумал, что можно было бы сначала и позвонить.

Цыган появился не пустым. И хотя насчет поездки Черного на Галыгинскую гать пока еще ничего не было ясно, в подтверждение серьезности своих намерений и отчасти возможностей он привез с собой тонкую тетрадку с неизвестными письменами, напоминающими руны. Вернее, даже являющимися рунами, только заметно отличающимися от общеизвестных. Откуда были скопированы эти руны и что они точно означали, осталось неизвестно. Хотя перевод в тетрадке был. Правда, очень сумбурный и непонятный. Но когда Черный в первый раз прочитал и руны, и перевод, у него екнуло под ложечкой. Оно!

Цыган прожил у него довольно долго, но чем более настойчиво Черный расспрашивал про Галыгинскую гать и тетрадь, тем больше он крутил, либо отнекиваясь некими не зависящими от него обстоятельствами, либо просто юля и уходя от ответа. Пока наконец просто не исчез. Оставив, впрочем, тетрадку. И с того момента Черный бился над текстом, пытаясь разобраться с переводом и придать ему больше информативности.

Через несколько дней Михаил снова подошел к нему. Это произошло уже после занятий, они вышли из института и двинулись в сторону Октябрьской площади.

– Ну, как там с моим амулетом?

– Извини, пока ничего положительного сказать не могу.

Мишка кивнул.

– А я соседа попросил, чтобы он, как ты говорил, в компьютере порылся. В Фиде этой твоей.

– Соседа? – усмехнулся Черный. Он живо представил себе такого прыщавого пацана, реализующего через компьютер свои подростковые комплексы и потому считающего, что если уж он круче всех окружающих разбирается в компах, значит, не хуже разбирается и во всем на свете. Ибо комп для таких – альфа и омега любого знания. И на основании нарытой в Сети информации они безапелляционно выносят суждение о любых вещах – от моды и автомобилей до каталитического крекинга и укиё-э.

– Зря ты, – недовольно насупился Михаил, уловив реакцию приятеля. – Седой – парень крутой, серьезный, не из сопляков, – уважительно охарактеризовал он соседа. – Я видел, как он одного придурка бортанул – любо-дорого посмотреть.

Мишка занимался хоккеем, и потому в его речи иногда проскальзывали жаргонные спортивные словечки.

– А на компьютере умеет – залюбуешься! Вот так пальцы летают. – И Мишка вскинул руки на уровень груди, продемонстрировав, как его сосед работает на клавише. Выходило, что этот пресловутый сосед был просто виртуозом клавиатуры.

– Что, вот прям так? – не поверил Черный.

– Да я тебе говорю! – убежденно кивнул Михаил. – Сидит, морду в экран уставил, а пальцы так и летают. Будто пианист.

– И мужика бортанул?

– Ну, я ж тебе говорил! Он вообще крутой. Его у нас в районе никто не задевает.

Черный задумчиво покачал головой. Какой-то непонятный у этого загадочного соседа Михаила получался набор компетенций. Человек обычно устроен так, что развивается довольно специализированно. Если он пошел по пути физического развития, то для решения большинства возникающих перед ним задач чаще всего избирает путь физического воздействия, пренебрегая другими способами, со временем приобретая в этом направлении все больше и больше умения и, соответственно, никак не совершенствуясь в других. А если с физическими данными и, соответственно, силовыми методами ему не слишком повезло, вот в этом случае и включаются всякие иные способы, типа виртуозного владения компьютером. Нет, пересечения типа «немножко того, немножко этого» также довольно часты. Но этот пресловутый сосед в изложении Михаила демонстрировал высший уровень в обоих направлениях, а вот это уже было довольно необычно. Тем более что и сам Черный, будучи довольно опытным фидошником, такого мастерства работы с клавиатурой продемонстрировать не мог, да и у других пока ничего подобного не наблюдал.

Он размышлял над информацией Михаила весь вечер, а на следующий день сам подошел к нему.

– Слушай, тут такое дело... можешь свести меня с твоим соседом? Кстати, а почему его Седым назвали?

– Да у него волосы совсем седые. Хотя сам молодой еще. Ну, чуть постарше нас будет. А что?

– Да понимаешь, есть у меня одна вещь, через которую можно выйти как раз на тех, про кого ты спрашивал. Только для этого надо прижать одного типа. Он мне много чего обещал, а не выполнил. Если твой сосед такой крутой, как ты говоришь, то не мог бы он мне помочь в этом деле?

Михаил задумчиво потер подбородок.

– Ну... не знаю. Спросить надо. А что за вещь-то?

Черный едва заметно поморщился. Он бы предпочел пока не раскрывать эту информацию, но с Михаилом так было нельзя. Миша был парнем с довольно простой картиной мира и совершенно обычными для его среды реакциями. Если ему не ответить, вполне мог обидеться и замкнуться. А Черного этот его сосед

довольно сильно заинтересовал. Не столько даже в связи с его возможностями надавить на цыгана, а вообще. Хотя пока Черный не мог до конца разобраться в причинах столь сильного интереса. Нет, судя даже по короткому рассказу Михаила, парень явно неординарный, но не настолько уж...

– Тетрадь одна. С рунами.

– С чем?

– Ну, это алфавит такой скандинавский. Там буквы черточками пишутся.

– Как иероглифы, что ли?

– Ну типа того, – неопределенно ответил Черный.

– Ладно, спрошу, – пообещал Миша.

В следующий раз они встретились после выходных. Михаил подошел к нему во время первого перерыва между парами.

– После лекций не убегай – разговор есть, – сообщил он Черному, косясь по сторонам. Похоже, был не в своей тарелке. Черный молча кивнул.

После третьей пары они вышли из института и, перейдя по подземному переходу, дошли до почти пустого в это время сквера вокруг памятника Ленину.

– Ну, что случилось? – спокойно спросил Черный. – Проблемы какие?

– Не знаю, – Михаил поежился, – корежит меня что-то с утра. Как перед важным матчем. Короче, говорил я с Седым. И он велел передать тебе, что знает, о чем идет речь. В этой тетрадке говорится об одном сильном артефакте...

Черный замер. Подобные речи в устах Михаила уже звучали неожиданно. Не говоря о содержании того, о чем именно он вел речь.

– ...и он готов помочь тебе его отыскать. Но взамен требует полного повиновения.

– Чего? – удивленно переспросил Черный.

– Ну, чтобы ты пообещал полностью ему подчиниться. И сделать то, что он тебе скажет.

– В чем?

– Во всем.

Черный задумался. Артефакт? Возможно. И даже очень. Но если он согласится на условия Седого, то окажется в полной его власти. Черный уже знал, что, когда имеешь дело с сильной магией, следует быть очень осторожным в словах и поступках. Причем главное – совершенно нельзя врать. Да и искренние заблуждения, то есть то, что ты твердо считаешь правдой, но что на самом деле таковой не является, также могут натворить много дел. Так что, насколько бы ни был крут этот Мишин сосед и как бы он ни был опасен, главным в принятии решения было не это.

– Знаешь, на это я, пожалуй, пойти не смогу.

– То есть отказываешься? – разочарованно протянул Михаил.

Черный кивнул:

– Да.

– Ну, твое дело, – пожал плечами Мишка и развернулся, чтобы уйти. Но внезапно замер, причем как-то резко перекосившись, будто его пронзила острая боль.

Черный недоуменно уставился на его спину. Михаил еще несколько мгновений стоял так, а затем медленно развернулся к приятелю:

– Черный, послушай... – Глаза у него были совершенно бешеные. Михаил протянул руку и вцепился ему в рукав. – Черный, я вспомнил, ох, мля...

– Что случилось?

– Черный, Седой, он... – Михаил тяжело задышал, а потом провел ладонью по внезапно вспотевшему лицу.

– Да что такое? – Черный встревоженно ухватил Михаила за плечо, опасаясь, как бы тот в таком состоянии не грохнулся на асфальт.

– Черный, он мне все рассказал, понимаешь? Ну, про себя. А потом сказал: «Сейчас – забудь, потом вспомнишь...» И я только что вспомнил. А с утра не помнил, понимаешь? Совсем не помнил. Хотя не пил ничего. Вообще не пил! И вчера не пил. А вспомнил только сейчас!

– Да что вспомнил-то? – машинально переспросил Черный, озираясь по сторонам. Сейчас его мысли были заняты другим. На той стороне улицы напротив сквера располагалось здание Министерства внутренних дел, и милиции поблизости было достаточно. А Мишка вел себя явно неадекватно. Так что первое, что надо было сделать, – это поскорее увести его отсюда, а уже потом разбираться, чего же он такое вспомнил. – Ладно, давай-ка к переходу.

– Да погоди ты! – взвился Михаил, вырываясь из рук Черного. – Ты послушай лучше! Понимаешь, Седой – он не человек...

2

– Привет, Седой!

– Привет, проходи. – Хозяин квартиры отодвинулся в сторону, освобождая вход.

– Ну как, накопал чего-нибудь? – поинтересовался Михаил, стягивая с плеч куртку.

– Не слишком, – отозвался тот, забрал куртку и повесил на вешалку в прихожей. После чего повернулся и толкнул дверь в комнату.

Стандартные малогабаритные квартиры имеют множество недостатков, но только одно достоинство – в них все близко. Один шаг – и ты уже в комнате, еще пара шагов – и вот уже кухня.

– Всегда хотел спросить, – начал Михаил, усаживаясь на тахту и оглядываясь по сторонам, – а зачем здесь столько зеркал?

– Да так, есть причина, – уклончиво усмехнулся Седой. – С чем пришел?

– Да дело одно. – Михаил солидно насупился. – Я про ту монету, ну, про которую просил тебя в компьютере покопаться, одному парню рассказал. Он ее как раз этим, как его... пантаклем и обозвал. Так вот, у него есть одна проблема. И он хочет насчет нее с тобой перетереть.

– Тетрадка? – спокойно спросил Седой.

Михаил вытаращил глаза:

– А ты откуда знаешь?

Седой не ответил, только задумчиво потер подбородок.

– Знаешь что, скажи ему, что мы готовы ему помочь.

– Кто «мы»?

Седой усмехнулся:

– Сейчас расскажу. Но прежде запомни: мы готовы ему помочь. Но взамен требуем абсолютного повиновения. Он должен нам полностью подчиниться. И делать только то, что мы ему скажем. Понятно?

– Ну да.

– Скажешь ему это от моего имени, – на первый взгляд несколько невпопад уточнил Седой. – Теперь насчет «мы». – Он замолчал и отвернулся. Миша еще

некоторое время молча сидел на диване, ожидая продолжения, потом нетерпеливо спросил:

– Так что там насчет «мы»?

Седой развернулся к нему и уставился прямо в глаза взглядом, от которого у Мишки тут же взмок лоб и по спине побежали мурашки. А затем произнес спокойно и как-то обыденно:

– Дело в том, что мы — не люди.

Михаил замер. Несколько мгновений (или минут – ориентацию во времени он в этот момент потерял совершенно) Мишка сидел, ошарашенно пялясь на своего соседа. В то, что тот сказал правду, он поверил сразу. Окончательно и бесповоротно. Причем эта вера никак не была связана с логикой. Скорее с ощущениями. Ну не мог человек так смотреть. И так говорить. И вообще, от всей вроде как давно знакомой фигуры Седого в этот момент ощутило повеяло абсолютной чуждостью. Чем-то совершенно нечеловеческим. Это длилось, длилось, длилось... а затем прошло. Так же внезапно, как накатило. Вроде как Седой предъявил нечто, некое удостоверение его истинной личности (ну, как опера предъявляют свою ксиву, одним этим движением мгновенно превращаясь из обычного гражданина в лицо, обладающее властью), а потом... закрыл обложку. И снова стал обычным, знакомым Седым. Михаил нервно облизал губы и вымученно улыбнулся. Наверное, так поступил бы на его месте любой обычный человек, живущий в своем обычном, просто и понятно устроенном мире, в котором, несмотря на все беды и проблемы, было – сейчас он понимал это отчетливо – так уютно и комфортно.

– Ты пошутил, да?

– А ты как считаешь? – усмехнулся Седой.

– Ну... – Михаил замер, не в силах изгнать из памяти еще свежее воспоминание о жутком ощущении чуждости, но продолжая отчаянно цепляться за привычный мир. Но Седой не дал ему шанса:

– Мы не пошутили. Мы действительно не люди.

Михаил спросил внезапно севшим голосом:

– А... кто вы?

Седой усмехнулся:

– Каторжники.

– Кто?!

Седой некоторое время смотрел на него, явно забавляясь произведенным эффектом, а затем покачал головой и продолжил:

– Мы – беглецы. Мы сбежали из тюрьмы. Нас на Земле около миллиона. Не обращай внимания на это тело. Оно принадлежит обычному землянину. Любой из тех, кого вы называете пришельцами, предпринимает некие меры маскировки. Нам в этом отношении было легче всего, поскольку мы сами не имеем физического тела.

Михаил недоуменно покосился на ноги Седого, перевел взгляд на его макушку.

– Как это?

Седой развел руками, а затем продолжил:

– Мы просто вселились в землян и захватили контроль над их телами. На самом деле им это практически ничем не грозит. Наоборот, пока мы в их телах, эти тела намного лучше защищены от любой опасности – от вирусов до несчастных случаев.

– Так это и в меня можно так же? – испуганно спросил Михаил.

Седой кивнул и добавил:

– У нас не было иного выхода. Мы же говорим: мы – беглые каторжники. Эти слова не совсем точно отражают наш статус, но из тех, что будут понятны тебе,

они наиболее близко описывают нашу ситуацию. Нас не могут удержать физические стены, но наши властвующие приняли меры, чтобы мы стали неспособны покинуть нашу тюрьму. Обычно мы можем обходиться без того, что в вашем представлении именуется телом, организмом, но не в этом случае. Чтобы не развоплотиться, то есть, по-вашему, не умереть, мы должны были закрепиться на чьем-нибудь сознании. Поэтому нам пришлось временно занять пустующие места...

Какой бы шокирующей ни была новая информация, психика человека способна довольно быстро подстраиваться под нее. И одним из компенсаторных механизмов, используемых ею, является принятие этой новой информации как некой данности, которую уже не изменить и с учетом которой теперь необходимо дальше строить свою жизнь. Так же произошло и с Мишей. Спустя несколько минут после того, как он узнал нечто, совершенно перевернувшее его представление об окружающем мире и далеко на обочину отодвинувшее подавляющее большинство важных и сложных проблем, Михаил уже оказался способным задать первый действительно важный вопрос:

– А вы... того... в кого-нибудь перепрыгнуть можете?

Седой кивнул:

– Да, но скорее теоретически. Наши оковы не позволяют нам существовать во Вселенной привычно – без того, что вы называете телом, так что любое наше перемещение, предусматривающее выход нашей сути за пределы физического тела, которое является убежищем, нас серьезно ослабляет. Так что для смены тела нужны очень и очень веские основания.

Михаил тихонько выдохнул. Значит, опасаться того, что эти «мы» тут же внедрятся в его собственную голову, или где там они гнездились, пока не стоило.

– А-а... сколько вас? – вновь спросил он, забыв, что Седой уже озвучил ответ на этот вопрос.

Но тот не стал напоминать, а просто еще раз ответил:

– До Земли сумело добраться около миллиона сутей.

– Обалдеть! – ошарашенно покачал головой Миша. – По Земле шастает миллион инопланетян...

– Гораздо больше, – отозвался Седой, – миллион – это только мы. Но мы вообще попали на Землю совершенно случайно. У нас никому не были интересны ни этот район вашей галактики, ни ваша система, ни ваши ментальные ресурсы. Этот рукав вообще считался пустынным, поэтому наше место изоляции... назовем его тюрьмой, случайно прошло слишком близко от Земли. Достаточно близко, для того чтобы наша попытка побега получила некие шансы на успех. И мы сумели воспользоваться этим шансом. Но в вашем мире действуют и многие другие. Причем уже давно. Часть из них даже установили контакты с некоторыми из ваших правительств, хотя большинство действуют, не обращая на них никакого внимания, а просто используя некую несложную маскировку.

Михаил потер лоб. И что теперь?

– А... что вы собираетесь делать?

– Мы ищем возможность вернуться домой, – спокойно ответил Седой, – это наша главная задача. А пока – просто живем. Получаем опыт, интересный или не очень, развлекаемся, немного забавляемся. Но не сильно. Мы же беглецы, и особенно светиться нам нельзя. Наша цивилизация хорошо известна во Вселенной, так что идентифицировать нас довольно просто. Несмотря на то что мы здесь находимся не в своем естественном состоянии. Просто по тем возможностям, которые нам придется, да уже частично пришлось продемонстрировать. Так что, скорее всего, наше присутствие в вашем мире уже не секрет. Но если мы слишком уж заденем интересы еще какой-нибудь расы из оперирующих на вашей планете, то напрямую с нами из тех, кто здесь присутствует, вряд ли кто рискнет связаться. А вот «стукнуть» на нас могут.

– И что?

Седой улыбнулся, предлагая Михаилу самому догадаться, что будет, если по всей Земле начнется охота на миллион особей, обладающих, судя по словам Седого, какими-то экстраординарными возможностями, благодаря которым другие пришельцы даже не рисковали с ними связываться.

– А-а... почему вы уверены, что уже не «стукнули»?

Седой усмехнулся:

– Ну, это вряд ли. Наша цивилизация – одна из самых могущественных. Некоторые называют нас «Властелины Времени». И если наши властвующие заинтересуются вашей планетой, остальным придется убраться. И хотя мы пока не нашли здесь ничего, что могло бы заинтересовать нашу цивилизацию, но наши возможности и ресурсы, вследствие ограниченности нашего статуса, довольно малы. Если сюда придут обладающие всеми возможностями, вероятно, они увидят то, что ускользнуло от нас. Остальных же ваша планета чем-то заинтересовала? Хотя мы пока не обнаружили чем. Земля, можешь мне поверить, в нашем представлении такая свалка!.. Впрочем, скоро настанет момент, когда повсеместно будут открыты двери в другие миры, и у вас будет шанс туда уйти. Но нам необходимо покинуть вашу планету до этого момента.

Мишка задумался, потом осторожно спросил:

– Но ты же говорил, что с вами предпочитают не связываться? А сейчас утверждаешь, что вы ограничены в возможностях.

– Ну да, ограничены, – согласился Седой. – И сильно. Но при сравнении возможностей очень многое зависит от уровня, на котором они находились до ограничения. Так что даже остатка вполне хватит для того, чтобы нейтрализовать любую угрозу. Хотя мы сами чувствуем себя, как чувствовал бы человек, которому, скажем, вырвали язык, один глаз, прокололи барабанные перепонки и отрубили обе ноги и правую руку.

На лице Михаила появилось сочувственное выражение. Седой в ответ махнул рукой – типа не парься.

– Ну, давай пока на этом вопросы закончим. Понял, что передать Черному?

– А откуда... – начал Миша, но Седой нетерпеливо насупился и мотнул подбородком:

– Не важно. Так понял?

– Да, а...

– Насчет того, что я тебе рассказал, сейчас забудь, потом вспомнишь, – произнес он, пристально глядя Михаилу в глаза. Тот легонько вздрогнул, затем устало потер лоб.

– Блин, голова что-то... Ну так как там с моим пантаклем, нарыл что?

Седой удовлетворенно кивнул:

– Пока мало.

Михаил поднялся с тахты.

– Ну, тогда я двинул.

Уже в прихожей Седой на всякий пожарный уточнил:

– Насчет тетрадки все понятно?

Михаил обиженно насупился:

– Не бойсь, я на память никогда не жаловался.

– Да уж вижу, – усмехаясь чему-то своему, кивнул Седой и прикрыл дверь за спиной гостя...

Все это Миша, путаясь и захлебываясь купленным в киоске пивом, изложил Черному. Из сквера они убралась и сейчас сидели в парке ЦДХ. Черный слушал молча, неотрывно глядя на Михаила и все время стараясь убедить себя, что тут что-то не то. Что Михаил это где-то вычитал, услышал, может даже просто придумал. Хотя последнее предположение в голове никак не укладывалось. И дело даже не в том, что до сих пор он никогда не замечал за своим сокурсником склонности ко лжи. Михаил просто не мог придумать ничего похожего. Он был нормальный парень, занятый чисто житейскими делами и заботами – что, когда и почем купить, где подработать и за сколько, как поскорее скинуть зачет и уехать на тренировку. Ничего более. Поэтому, после того как Михаил замолчал,

Черный еще некоторое время сидел, размышляя над его рассказом, а затем осторожно спросил:

– Значит, ты ничего не помнил, пока мы с тобой не заговорили о моей тетрадке?

– Ну да, – уныло кивнул Михаил и покачал головой. – А я ему еще говорю: «Не бойсь, мол, я на память никогда не жаловался...» Вот же сука!

Они снова помолчали. Потом Миша повернул голову и спросил:

– Слушай, ну так чё ему сказать-то по поводу тетрадки?

Черный задумался. Конечно, в свете новой информации решение стоило обдумать заново.

– Знаешь, передай ему, что я подумаю.

– Да ты чё, Черный? – всполошился Михаил. – Ему же отобрать у тебя тетрадку – раз плюнуть. Да он же в две секунды может тебя... ну, чего хочешь с тобой сделать. Вон как со мной-то...

– Пока ведь не сделал? – резонно заметил Черный. – И знаешь, что я думаю? Не может! Не понимаю почему, но, скорее всего, именно так и есть. Иначе ему совершенно не нужно было создавать ситуацию, при которой ты открыл мне всю эту информацию.

– Ему? – изумился Михаил, а потом обиженно протянул: – Да это я сам тебе все рассказал. Сразу, как вспомнил.

– Да, ты прав, – осторожно кивнул Черный.

Спорить с Михаилом не имело смысла – он и так был слишком возбужден. Но самому Черному стало ясно, что Седой просто использовал парня как некий носитель информации типа дискеты. Причем с «паролем», настроенным на определенного пользователя. Иначе почему Седой сначала «закрыл» память Миши и настроил ее «открытие» именно на определенный момент? Ключевой характеристикой стало его собственное присутствие, причем в отсутствие

посторонних лиц. Черный даже осторожно предположил, что Седой дал его сокурснику некую установку на то, чтобы разговор, «открывающий» память, состоялся при отсутствии других людей. Иначе было сложно объяснить, почему Михаил, который первый разговор о пантакле затеял прямо в институте, теперь с несвойственным ему терпением подождал до конца занятий и начал разговор, только когда они пришли в относительно безлюдное место. Ну а дальше все по учебнику психологии: стресс от внезапно открывшейся ему шокирующей правды, желание выговориться...

– Ну и что мы теперь будем со всем этим делать? – уныло спросил Михаил.

– А какие у нас есть варианты? – задал риторический вопрос Черный.

– Ну... не знаю. Может, в милицию пойти? Или к ученым?

– И что ты им скажешь? Что сосед рассказал тебе, будто он – инопланетянин?

Михаил не ответил, только помрачнел. Черный дал ему пару минут, чтобы самому проиграть в уме разные варианты, а затем осторожно добавил:

– Если он сказал правду, скорее всего пока мы ничего сделать не сможем. К тому же я не уверен, что вообще кто-то что-то сможет сделать. С тем-то бардаком, что творится вокруг... Так что единственное осмысленное действие, на которое, по моему мнению, мы способны, это продолжать собирать информацию. Об этих Властелинах Времени. Ну и об остальных. А там посмотрим.

На том и расстались.

Следующие несколько дней Михаил, встречаясь с Черным взглядом, отрицательно мотал головой или тихо говорил: «Пока не видел» или «Не встречались еще».

Так прошла вся учебная неделя. Все это время Черный пытался собрать хоть какую-то информацию о пришельцах. Везде, где только можно. От бульварных газетных листков до Фидонета, от телепередач до книг. Он и раньше кое-что почитывал, но скорее от скуки или для развлечения. Теперь же все было по-другому. Его мир внезапно кардинально изменился. Ну, вроде как мир древних

ацтеков, которые жили себе на Юкатане, строили близкие и далекие планы, но тут приплыли «большие деревянные рыбы» и выплюнули из своего чрева «белых демонов», и все изменилось. Причем кардинально, до самых основ. Драгоценный нефрит, например, оказался всего лишь дешевым поделочным камнем, надежный хлопковый панцирь – защитой не прочнее бумаги, а приличные мальчики и девочки из благородных семей, поколениями властвующих над миром, были сброшены со ступеней пирамид и примерили на шею рабскую колодку. И никто не мог гарантировать, что весь этот сложный, многоцветный мир, в котором жили люди, со всеми его большими и важными достижениями, ценностями и проблемами – от курса доллара и чемпионата мира по футболу до уровня инвестиционной активности и результатов ближайших выборов, не рухнет точно так же. Потому что если слова Седого были правдой, они означали, что «конкистадоры» уже здесь.

Следующую порцию информации Мишка выдал в понедельник.

Как и в прошлый раз, он подошел к Черному и сказал:

– Есть разговор.

После занятий они сразу пошли в парк при ЦДХ. Михаил шел молча, сумрачно глядя себе под ноги. А когда сел на лавку, долго молчал. Черный даже не выдержал и спросил:

– Ну что, встречался с Седым?

– Да.

– И что он тебе рассказал?

– Ничего.

Черный недоверчиво воззрился на сокурсника. Так зачем встреча-то? У него и так дел предостаточно. Он тут нарыл одну книжку, которую ему порекомендовали насчет пришельцев. Американки Барбары Марсиньяк. И Черный ее сейчас активно читал.

– Он взял меня с собой, – мрачно пояснил Михаил.

– Куда? На встречу со своими? – чувствуя, как у него мгновенно засосало под ложечкой, спросил Черный.

– Нет, просто. Поездили с ним.

– И что?

– Он не врет, – мрачно констатировал Михаил. – На такое человек точно не способен.

– На что?

И Михаил рассказал.

Седой встретил его вечером, во дворе. И это при том, что всю неделю они никак не могли пересечься – Михаил даже три раза сам приходил к нему, но дома не застал. А тут...

Было уже довольно поздно. Михаил вышел вынести мусор и, уже возвращаясь, наткнулся на Седого, который ждал у подъезда.

– О, привет, а я...

– Некогда, – оборвал его Седой. – Но если хочешь, давай со мной. В машине все расскажешь.

– Да легко, – встрепенулся Михаил, но затем бросил взгляд вниз, на свои треники с пузырями на коленях и ботинки, надетые на босу ногу, и сконфуженно умолк.

– У тебя две минуты, – смиростивился Седой, – жду в машине.

Спустя две минуты Михаил пулей вылетел из подъезда и едва ли не на ходу запрыгнул на переднее сиденье «Нивы» Седого. Тот придавил газ, и машина, шлифанув асфальт всеми четырьмя колесами (это «Нива»-то!), буквально

прыгнула вперед.

Решение Черного Михаил сообщил Седому еще до того, как они выехали из Королева. И потом до самой МКАД сидел и размышлял над тем, а чего это его понесло в Москву на ночь глядя. Тех двух минут, за которые он успел взлететь до своей квартиры, бросить ведро и по-быстрому натянуть брюки и носки, ему вполне хватило бы, чтобы сообщить Седому всю имеющуюся информацию. Может быть, дело было в том, что Михаилу очень хотелось узнать еще что-то из того, что знал Седой. Черный ведь сказал, что нужно собирать информацию. Да и самому было жуть как интересно. Причем в полном соответствии с точными значениями двух этих слов – «жуть» и «интересно».

– Слушай, а... – начал он, когда они влетели в Москву.

– Не мешай! – оборвал его Седой, а затем уточнил: – Сегодня ни о чем не спрашивай. Не до этого.

Они три часа мотались по северу и центру Москвы, Седой регулярно останавливался и, бросив Михаилу: «Посиди, я скоро», – ненадолго исчезал в каких-то подъездах, подворотнях, дверях дешевых забегаловок, а пару раз они припарковались на охраняемых стоянках у фешенебельных ресторанов. Пока Михаил ждал Седого, он попытался отыскать на паркинге еще хотя бы одну отечественную машину. Таких не оказалось. Их «Нива» была одна. Но Седого охранник пропустил на стоянку, даже ничего не спросив.

Уже после полуночи, заправив машину, Седой заехал в очередную подворотню и, оставив Мишу, исчез почти на полчаса. А вернувшись, бросил ему небольшой мешочек из чего-то, напоминающего черный бархат.

– Бриллианты когда-нибудь видел? – весело спросил он.

– Нет, – мотнул головой Михаил и поправился: – То есть видел, конечно, на картинках.

– Можешь посмотреть, – разрешил Седой, кивнув на мешочек.

Мишка несколько мгновений озадаченно смотрел на мешочек, а потом осторожно растянул горловину. На ладонь высыпалось несколько камешков. Михаил почувствовал, как у него мгновенно вспотели ладони. Он учился на геологическом и знал об алмазах довольно много. Алмаз – самый дорогой драгоценный камень на Земле. Плотность алмаза – 3,5. Показатель преломления – 2,42. Температура плавления – 3700–4000 °С. Твердость – десять единиц по шкале Шора. А бриллиант – это всего лишь ограненный алмаз. Мишка, конечно, не был специалистом по драгоценным камням, но навскидку у него на ладони сейчас лежало миллионов десять баксов. Если, конечно, это действительно были бриллианты... Впрочем, существовал способ проверить. Михаил осторожно взял один из камешков и, прижав его к стеклу, надавил. На стекле осталась четкая царапина. Миша шумно выдохнул и осторожно ссыпал камни обратно в мешочек. От греха подальше...

– Жрать хочешь? – подал голос Седой.

– Что? – не сразу понял Михаил, все еще находясь под впечатлением огромного состояния, которое он только что ощущал пальцами. – Ну да... неплохо бы.

«Нива» тут же сбросила скорость и спустя еще минуту остановилась у небольшого кафе.

Они сели у стойки. Седого здесь, похоже, знали, потому что бармен предложил меню Мише, а Седому сразу же накатил коктейль и крикнул на кухню:

– Омлет с беконом и грибами!

Михаил рассчитывал, что здесь, поскольку они уже никуда не торопились, Седой раскрутится на какую-нибудь новую информацию, но тот молча поел, не спеша, давая доесть Михаилу, выцедил еще один коктейль и махнул официанту:

– Слушай, у меня с деньгами сейчас пока слабо. Возьмешь в оплату? – Он достал из мешочка бриллиант весом каратов на пять.

Бармен услужливо улыбнулся:

– Да никаких проблем! Вы у нас постоянный клиент, так что мы вполне можем подождать. Завтра деньги завезете или в следующий раз расплатитесь.

– Значит, не нужно? – усмехнулся Седой, кивая на бриллиант.

Бармен все с той же улыбочкой замотал головой.

– Ну, как знаешь, – протянул Седой и... каким-то легким, даже слегка ленивым движением раздавил бриллиант пальцем.

3

– Слушай, Седой сказал, что это не то. – Миша достал из кармана простое, но покрытое старой патиной кольцо из мельхиора и протянул Черному.

– А почему? – несколько разочарованно спросил Черный, убирая кольцо в карман.

– Да не знаю, – пожал плечами Миша. – Я ему принес. Он взял, повертел его в руках, потом отдал мне обратно и сказал, что не то. Пусть, мол, передаст другое.

Черный задумался. Когда пару дней назад Михаил сообщил, что Седой просит передать ему какое-нибудь из своих колец, он слегка испугался. Потому что показалось, что он понял, о каком кольце Седой ведет речь. Оно и сейчас украшало его палец. Его собственное кольцо, с собственным именем – «Глаз дракона». И до сих пор Черный никогда и никому не передавал его. Причем даже сама мысль о чем-то подобном вызывала у него неприятие. Почему – ему самому было не совсем ясно. Просто какая-то мистика. Впрочем, возможно, Седой не имел в виду какое-то конкретное кольцо. Черный осторожно расспросил Михаила, насколько подробно тот его Седому описал, но, по уверениям Миши, выходило, что описание было совершенно поверхностным. Ну, типа однокурсник, сечет во всяких оккультных вещах, ходит во всем черном и так далее. Так что вряд ли Седой вел речь именно об этом кольце...

Но, с другой стороны, откуда-то Седой узнал о тетради еще до того, как Михаил о ней упомянул? Так, во всяком случае, следовало из Мишкиного рассказа. И

возможно, Седой имел в виду именно это кольцо, узнав о нем по все тем же непонятным своим каналам. Но, поскольку никакой конкретики не прозвучало, Черный решил не отдавать то кольцо, о котором подумал. Может, все это просто мнительность и Седому пойдет любое кольцо, оказавшееся в распоряжении Черного?..

Так что он принес из дома другое, старое, тоже взявшееся неизвестно откуда. То есть не то чтобы его появление в семье было окутано каким-то мраком или связано с какой-то загадочной историей, просто Черный никогда его историей не интересовался. Ну, есть такое, не слишком примечательное кольцо – да и ладно. Возможно, оно было подарено кому-то из родителей, или куплено ими, или перешло по наследству от деда с бабкой...

– Ну что мне Седому-то передать? – нетерпеливо спросил Михаил.

Черный очнулся от размышлений и вздохнул. Похоже, делать нечего, надо отдавать то, о котором подумал сразу. Он уже не раз сталкивался с тем, что такие вроде бы спонтанные и ничем не обоснованные озарения попадают в самую точку. Черный поднял руку и снял с пальца кольцо. Михаил уважительно цокнул языком:

– Клёвое! Мне всегда нравилось. Откуда взял?

– Сам сделал, – немного сердито отозвался Черный.

– Как это?

Черный раздраженно пожал плечами, но затем сменил гнев на милость. В конце концов, Михаил ни в чем не виноват – кольцо попросил Седой, а уж Черный сам принял решение, отдавать его или нет. Ведь теоретически можно было потянуть время, принести еще какое-нибудь кольцо, дома их валялось несколько штук... Вот только он почему-то был уверен, что Седой просит именно «Глаз дракона». Так что либо кольцо надо отдать Михаилу, либо просто передать Седому, что он ему ничего не даст. Черный поднял взгляд. Михаил заинтересованно смотрел на него. А, ну да, «как сделал»...

– Ну, технологически это не так сложно. Сначала придумываешь форму. Потом режешь восковку...

– Чего?

– Восковку, модель из воска. Восковку помещаешь в опоку и заливаешь все ювелирным цементом. А потом ставишь в печь.

– В печь? Без металла? Для чего?

– В печи воск плавится, выпаривается и получается полость, ну как бы отпечаток той формы, которую имел воск. А потом в эту полость под центрифугой подается расплавленный металл.

– А под центрифугой-то зачем?

– Чтобы металл распределялся равномерно и не образовывалось воздушных пузырьков.

Миша уважительно кивнул:

– Да уж, проце-ес! А ты его вот таким, с глазом, сам придумал или скопировал откуда-то?

– Сам придумал. – Черный покрутил кольцо в руках. – Я даже сначала хотел эту слезу покрупнее сделать, чтоб всю фалангу пальца покрывала. Но не пошло... – И он протянул кольцо Михаилу. – Ты поосторожнее с ним.

– Не бойсь! – хмыкнул Михаил, убирая кольцо в карман. – Доставлю в лучшем виде. Ну, бывай...

На следующий день Михаил в институте не появился. А в пятницу он наконец нарисовался. Смурной. Во время лекций старательно отводил от Черного глаза и первым выскакивал из дверей аудитории, чтобы не пересечься на перерывах, как будто боялся встречи. А после занятий встретил Черного возле забора Парка культуры.

– На, – мрачно произнес, сунув Черному кольцо.

Тот недоуменно покрутил кольцо в руке. Вроде как ничего не изменилось.

– Чего случилось-то? Чего ты весь день какой-то мрачный и вздернутый?

– А-а-а... – Михаил махнул рукой. – Мне от Седого знаешь как досталось? Мама не горюй!

– За что?!

И Миша рассказал.

К Седому он зашел вечером того же дня, когда Черный отдал кольцо. Хозяин был дома.

– Принес? – сразу же спросил он.

– Ну да, вот.

Седой взял кольцо, но как-то необычно. Эдак осторожно и легко удерживая его кончиками пальцев, как некий хрупкий или очень опасный предмет. Он не стал надевать его на палец, просто поднес ближе к глазам и очень внимательно и долго разглядывал. Потом хмыкнул, подошел к столу, открыл ящик и достал оттуда кусок какого-то материала – то ли кожи, то ли очень плотной ткани, Михаил так и не понял. Расстелив лоскут на столе, Седой осторожно положил на него кольцо, как-то по-особенному извернул руку и провел по кольцу всеми пальцами сразу. Михаил вздрогнул. Кольцо, до того выглядевшее серым, внезапно засверкало всеми цветами радуги. Мише показалось, что по ободу кольца даже побежали какие-то радужные узоры, а вертикальный зрачок в глазу, украшавшем кольцо, дернулся и скосил взгляд на Седого. Мишка моргнул... А когда снова открыл глаза, кольцо выглядело как обычно.

– Хм, – тихо пробормотал себе под нос Седой, – теперь понятно, как у него смогла появиться тетрадь...

– Чего? – переспросил Михаил.

– Так, ничего. – Седой уже обычным небрежным жестом сгреб со стола кольцо и протянул Михаилу. – Отдашь обратно. – После чего присел к столу и, достав лист бумаги, начал хаотично писать на нем цифры. Не подряд, в строчку, а то внизу, то вверх, то у правого края, то посередине.

Михаил некоторое время наблюдал за ним, а потом тихонько вышел из комнаты и прикрыл дверь. Седой явно занялся чем-то важным, а ему пора было идти. Мать с отцом в этот вечер заночевали на даче, и потому к Мише скоро должна была прийти Танька. Инопланетяне инопланетянами, а упускать возможность провести вечерок с такой классной девчонкой, как Танюха, Мишка совершенно не собирался...

Вечер вышел просто супер! И плавно перетек в ночь. Так что с утра Миша был в очень благодушном настроении. Сегодня он в институт не собирался, планируя заняться машиной, но, как правильный пацан, оделся, чтобы проводить Таньку до остановки. Той как раз в институт было необходимо.

Уже одевшись, Миша машинально сунул руку в карман и вытащил кольцо. Татьяна, наводящая красоту у зеркала в прихожей, скосила глаза и ахнула:

– Ой, какая интересная вещица! Твоя?

– Да нет, однокурсника одного.

– А дай поносить! Ну пожалуйста... – Татьяна скорчила просящую физиономию, и Михаил, после всего, что получил прошедшей ночью, почувствовал, что не сможет отказать. Он небрежным жестом протянул подруге кольцо:

– Ладно, бери, только ненадолго. Мне его дали показать одному человеку, а потом мне его отдать надо будет.

– Да я только на разочек!.. – расцвела Татьяна и наградила его таким поцелуем, что Миша расплылся в улыбке.

День прошел довольно спокойно. Михаил поковырялся с железками в гараже, потом сходил на тренировку и уже вечером, возвращаясь, внезапно наткнулся на Седого. Миша как раз шел с сумкой, в которой погромыхивали шлем и защита,

вдоль глухой стены дома, как вдруг буквально уткнулся в соседа, возникшего будто из ниоткуда.

– О! А откуда ты взял... – начал изумленно Михаил, озираясь по сторонам, но Седой не дал ему закончить.

– Где кольцо?

– Кольцо? Да... Таньке дал поносить. Ненадолго.

Седой что-то глухо пробормотал себе под нос, судя по всему ругательство, а затем зло прошипел:

– Ну почему тебе, дураку, нужно объяснять, что нельзя распоряжаться не принадлежащими тебе вещами?!

Михаил недоуменно пожал плечами:

– Да в чем дело-то? Ну, пошла девка в институт, покрасовалась перед подругами. В чем проблема-то?

– Идиот! – Голос Седого стал откровенно злым. Да что там злоба – в его голосе теперь уже слышались нотки настоящего бешенства. – Бегом за кольцом! Сию же секунду!

Михаил, испуганный таким оборотом, дернулся было назад, в сторону Татьяниного дома, но вспомнил о сумке с хоккейной формой и озадаченно затормозил, нерешительно косясь на Седого. Бежать с сумкой было очень неудобно. Тот понял сразу же.

– Брось всё – и бегом! Бегом, я сказал!!! – И когда Миша, швырнув сумку к ногам Седого, уже бежал со всех ног, крикнул вдогонку: – Спроси у нее, не интересовался ли кто-нибудь сегодня кольцом!

До квартиры подруги Михаил пробежал за шесть с половиной минут. Даже время запомнил. Потому как, припустив от Седого, сразу за углом бросил взгляд на часы, прикидывая, вернулась ли Танька из института, а когда выскакивал из

лифта, посмотрел на часы еще раз. В некотором роде личный рекорд...

Танька была дома.

– Привет, Миш, заходи. А чего это ты такой запыхавшийся? – удивленно поинтересовалась она, открывая дверь. – Да что случилось-то?

Михаил судорожно перевел дух и махнул рукой:

– Некогда объяснять. Кольцо у тебя?

– Ну да.

– Давай сюда, быстро!

Подруга окинула его удивленным взглядом и нырнула в комнату. Через пару минут она появилась оттуда с кольцом в руке. Михаил облегченно выдохнул. Все дорогу сюда он думал, что будет, если Танька отдала кольцо поносить кому-то из подруг или хуже того – потеряла.

– Вот, держи.

– Спасибо, – буркнул Михаил и развернулся к двери.

– Да в чем дело-то? – снова спросила Татьяна. – Чего ты такой вздернутый?

– Да... – снова повернулся к ней Михаил, припомнив последнюю фразу Седого. – У тебя... это... кольцом никто не интересовался сегодня?

– Да нет... Ну то есть девчонки обратили внимание, конечно...

– Девчонки? Какие?

– Ну из нашей группы. Спрашивали, откуда оно у меня.

– И что ты сказала?

Этот допрос, похоже, стал Татьяне надоедать. Она насупила выщипанные брови и недовольно дернула плечиком.

– Да что ты всё выпрашиваешь? Я что, обязана перед тобой отчитываться?

– Тань, ради бога, – взмолился Михаил, – я тебе сейчас не могу всего объяснить. Я и сам не знал, что всё так важно, когда кольцо тебе давал. Просто... ну расскажи мне всё.

– Да что всё-то?

– Ну, кто и как этим кольцом интересовался. Мне очень надо знать, честно!

Татьяна недоуменно пожала плечами:

– Я уже рассказала. Девчонки интересовались. Я сказала, что мне парень дал поносить. Они поохали по поводу – какое интересное кольцо да какое оригинальное. И всё... вроде.

– Вроде?

– Ну, еще Эдуард Эммануилович тоже вскользь упомянул... – нерешительно произнесла Татьяна.

– Эдуард Эммануилович?! Какой еще Эдуард Эммануилович? – насторожился Миша.

– Ай... да преподаватель. Он вообще не на нашем потоке. Подменяет иногда, если завкафедрой занят или в командировке. Представительный такой мужчина. Молодой, с бородкой. Только сноб. Все время нос кверху. А тут вдруг начал мелким бесом рассыпаться: «Ой, Танечка, вы сегодня просто обворожительны! А какое у вас оригинальное колечко!» Фу, козел! – Татьяна сморщила нос. – Я даже после перерыва пересела на последний ряд, чтобы больше не цеплялся. И кольцо сняла. Так он все равно пялился и улыбочки пускал.

Михаил помрачнел. Татьяна улыбнулась и, протянув руку, взъерошила ему волосы.

– Ну ты чего? Мне же никто не нужен, кроме тебя. Я бы и рассказывать об этом не стала даже, потому как чепуха всё. Сам же пристал: Расскажи да Расскажи, кто про кольцо спрашивал!

И Миша почувствовал, как его губы сами собой расплываются в дурацкую улыбку. Танька заговорщицки покосилась на закрытую дверь в большую комнату, из которой доносился шум телевизора, а потом быстро прильнула к Мишке и впиалась в его губы жарким поцелуем...

К Седому Миша вернулся где-то через полчаса. Тот стоял на том же месте.

– Кольцо у тебя? – мрачно спросил он.

– Ну да, ничего с ним не случилось. Вот, держи.

– Это мы еще посмотрим, – пробормотал Седой и, не взяв кольцо, резко развернулся и двинулся прочь, на ходу бросив: – Пошли.

Дома у Седого никого не было. Они, не раздеваясь, прошли в его комнату. Седой молча скинул куртку и, снова достав из ящика тот самый кусок то ли кожи, то ли материи, разложил его на столе и требовательным жестом протянул руку к Михаилу. Тот покорно отдал кольцо.

Седой включил яркую настольную лампу, снова покрутил кольцо в пальцах, положил его на подложку и провел над ним рукой. Михаил опять увидел радужное сияние.

– Кто интересовался кольцом? – глухо спросил Седой.

– Ну... девчонки в группе, – начал Михаил, – и еще преподаватель какой-то, Эдуард Эммануилович. То есть он про кольцо спрашивал, а чем на самом деле интересовался – кольцом или Танькой, – я не понял.

Седой резко развернулся к нему, так что Миша даже отшатнулся.

– Ты едва не совершил страшную ошибку, Миша! Ошибку, которая могла бы очень дорого стоить тебе и твоей девушке. И не только им, если честно.

Миша испуганно уставился на кольцо.

– Так оно что, ядовитое, что ли? Или радиоактивное?

Похоже, его испуг был столь забавен, что Седой усмехнулся:

– Нет, для жизни тела оно не опасно. Просто у Черного неожиданно для него самого получился настоящий артефакт. – Он поднял кольцо с подложки и потер его пальцем. – Во-первых, это кольцо из металла, который с вашими технологиями в земных условиях получить практически невозможно. Во-вторых, форма. Очень забавно, но Черный угадал один из символов, известный там. – Седой коротко кивнул куда-то вверх. – Ну и еще некоторые особенности, которые делают его очень могущественным инструментом. Этаким ядерной бомбой... конечно, в руках того, кто умеет обращаться с его силой. – Он воткнул в Михаила долгий взгляд, а затем спросил: – Представь, что было бы с Татьяной и всеми, кто ее окружает, если бы эта бомбочка у нее на пальце взорвалась.

Михаил почувствовал, как у него засосало под ложечкой.

– Так оно что, может само по себе?..

– Само по себе нет, – мотнул головой Седой, – а вот если поблизости оказался бы кто-то, умеющий с этим обращаться... и случайно бы его активировал... или не случайно...

Михаил покосился на кольцо со страхом. И эту хрень он совершенно спокойно таскал в кармане?!

– Не волнуйся, в кармане это кольцо практически безопасно. Подобные кольца раскрываются, только если надеты на палец, – словно прочитав его мысли, успокоил Седой. – Но все равно тебе стоит как можно быстрее отдать его Черному. Он, конечно, тоже не умеет обращаться с заключенной в кольцо силой, но поскольку он его хозяин, кольцо для него не опасно... как, впрочем, и совершенно бесполезно. Можешь передать ему, что это кольцо работает как

некий ключ, снимающий некоторые преграды. И что при ношении оно образует вокруг носителя иное время. А вообще-то это колечко типа... ну, скажем, конструктора «Лего» – в разных обстоятельствах может выполнять разные функции. – Седой задумчиво помолчал и переспросил: – Значит, только девчонки и Эдуард Эммануилович?

Михаил кивнул:

– Ну да, только она не стала с ним завязываться. Ну, как говорит.

– Хорошо. Слава богу, в вашей компании оказался хоть один умный человек.

Михаил набычился:

– А мы что, дураки, что ли?

Седой усмехнулся:

– Ну... не совсем, надо признать. Но интеллектом явно не блещете. Знаешь, какой у тебя уровень интеллекта?

– Какой?

– Шесть. По нашей шкале. Объяснять, как ее вывели, тебе я не буду – просто не поймешь, но поверь, это очень немного.

– А у Черного?

– А у Черного где-то семь.

Михаил насупился. Вот уж он никак не считал себя глупее Черного. Знает меньше – это да. Впрочем, и тут как посмотреть. Черный небось ни одну команду высшей лиги перечислить не может, а Михаил – все наизусть. И результаты всех матчей по высшему и первому дивизиону за последнюю пару сезонов опять же. Просто Михаила до встречи с Седым никакие темы, в которых Черный копался, не волновали. Вот и всё. А если бы, скажем, нужно было чего о хоккее...

– А у Таньки что, больше, что ли? – обиженно спросил он.

– У нее около тринадцати.

Ну вот это уже было совсем несправедливо!

– А у тебя тогда сколько?

Седой рассмеялся:

– Да ты и цифр таких не знаешь...

Черный молча выслушал Михаила и задумчиво покрутил кольцо.

– Больше он ничего не объяснял?

– Нет, – кивнул Миша, – только лыбился этак загадочно. Похоже, то, чего он опасался, когда бегом погнал меня к Таньке за кольцом, не случилось.

– Ну и слава богу, – констатировал Черный, возвращая кольцо на то место, где оно и пребывало практически с момента изготовления. Вот ведь как оно интересно повернулось-то!..

4

Убитый «пазик» трясся по проселочной дороге. Михаил, сидевший у окна, покосился на деда, дремавшего рядом. В этот богом забытый угол Подмосковья Мишка попал по просьбе Седого.

В тот день он зашел к нему еще утром. Седой был один. Открыв дверь, кивнул Михаилу:

– Проходи на кухню. Чай будешь? – спросил он, когда Михаил опустился на табуретку у стола.

– Ну, можно.

Седой поставил чайник на плиту.

– Слушай, – осторожно начал Миша, – я вот тут подумал, если, как ты говоришь, какие-то инопланетяне уже вступили в контакт с нашими правительствами, то они должны были...

– Кто тебе сказал? – перебил Седой.

– Что?

– Что вам кто-то и что-то должен. И что кого-то вообще интересует, чего вы хотите.

– То есть как?! – не понял Михаил.

Седой некоторое время молча смотрел на него, будто выглядывая какие-то знаки на лице собеседника, а затем жестко произнес:

– Вам никто ничего не должен и просто так вам ничего давать не будет. – Затем его губы прорезала насмешливая улыбка и он продолжил: – Ну подумай сам... вспомни вашу историю. Кого интересовало, чего там хотели индейцы или негры, когда к ним приплывали те, кого в то время называли цивилизованными людьми? Для них главным было то, что считалось ценностью в их представлении, – золото, алмазы и другие драгоценные камни. Либо то, что можно было обратить в таковые, – слоновую кость, рабов, черное дерево. А аборигены... Если они мешали, их уничтожали либо, если уничтожение вследствие каких-то причин было затруднительно, обманывали или покупали. Причем покупали только до тех пор, пока не накапливали достаточно сил для уничтожения. Неужели ты думаешь, что с вами кто-то собирается поступить иначе? Вселенная – предельно прагматичное местечко, знаешь ли... – Он замолчал.

Михаил некоторое время сидел, оглушенный услышанным. Причем на этот раз вновь открывшаяся правда оглушила его много больше, чем тогда, когда он узнал о том, кто такой Седой.

– Но ведь у Марсиньяк... – начал он. Эту экзальтированную тетеньку ему посоветовал почитать Черный. Седой насмешливо хмыкнул:

– Каждая цивилизация использует для манипуляции аборигенами наиболее эффективные инструменты. Американские работорговцы тоже заключали «вечные договора» и брали в жены дочерей туземных царьков, каковых потом, по прибытии на Барбадос, Ямайку или в Саванну, совершенно спокойно продавали вместе с остальной партией рабов. Так и здесь... Если господствующий психотип американцев включает в себя непременно представление о собственной избранности, значит, легче всего манипулировать ими, поддерживая в них эту самую веру в избранность. Представь, насколько послушно эти глупцы будут исполнять волю тех, кого посчитают Посланцами Света? А что касается некоторых способностей... при вашей недоразвитости достаточно одарить вас очень малым, чтобы вы тут же почувствовали себя приобщившимися к неведомой силе или получившими нечто уникальное... ну, вроде как индейцы, продавшие голландцам Манхэттен за пару зеркал и пригоршню бус. С вами все будет точно так же, уж можешь мне поверить!

В этот момент старенький чайник, стоящий на плите, призывно засвистел. Седой поднялся и, сделав шаг к плите, снял с нее чайник, после чего молча налил себе и Михаилу кипятку, его чашку подвинул гостю, а в свою бросил пакетик, побултыхал там и, поймав на ложечку, обкрутил ниткой и аккуратно выжал. И этот совершенно обычный жест заставил Михаила вздрогнуть, уж слишком он контрастировал со всем сказанным.

– Но почему тогда мы еще не... – Миша осекся, не в силах озвучить страшную перспективу.

– А кто тебе сказал, что вы еще «не»? – снова усмехнулся Седой.

Михаил передернул плечами и, резко развернувшись, уставился в окно. Нет, никаких гигантских летающих тарелок над городом не наблюдалось. И зеленокожих инопланетян с бластерами типа тех, что он видел в американском фильме под названием «Марс атакует», также не наблюдалось. Он снова

повернулся к Седому и напряженно уставился на него. Тот, сделав глоток, покачал головой:

– Ох, Миша, Миша... ну неужели ты думаешь, что все будет как в кино – только, мол, форма другого цвета и бластеры вместо автоматов? Пойми, наши армии устроены совершенно по-другому и мы устанавливаем контроль над территорией отнюдь не введением солдат. Да и нет у нас их практически... Вы же сами уже научились захватывать контроль над той или иной страной или территорией, просто перехватывая управление ею. Причем не обязательно устанавливая прямую зависимость, чаще всего косвенную, мотивационную. Ведь даже у вас Ирак прекрасно показал, что танки, пушки, самолеты – очень неэффективный инструмент контроля. Пусть и самые современные. А если ты еще вспомнишь, что большинство иных обладают настолько продвинутыми возможностями в маскировке, то как ты можешь быть уверенным, что ваши правители – люди? – Седой внезапно замолчал, некоторое время всматривался в Михаила, а затем махнул рукой и пробормотал: – Черт, кому я объясняю... – После чего сделал еще один глоток.

А Михаил напряженно размышлял над его словами. Спустя минуту его лицо озарилось пониманием, почти сразу перешедшим в испуг.

– То есть ты хочешь сказать, что Ельцин... – с замиранием сердца начал он.

И Седой поперхнулся чаем.

Миша несколько мгновений сидел, озадаченно пялясь на кашляющего инопланетянина, потом поднял руку и хлопнул его по спине. Седой громко кашлянул и остановился.

– Спасибо, – напряженно просипел он и кашлянул еще раз. – Уф, ну ты даешь!.. Не думал, что из моей информации можно сделать столь однозначный вывод.

– А какой еще? – угрюмо бросил Михаил. – Сам же сказал, что нами управляют...

– Ничего такого я не говорил, – примирительно улыбнулся Седой, – просто намекнул, что ты можешь о чем-то не знать, хотя на самом деле все уже происходит.

– Так может или происходит?

– Расслабься. – Седой хлопнул его по плечу. – Пока – нет. То есть некоторые из цивилизаций уже давно, несколько десятилетий, сотрудничают с вашими властями. Например, Эббо или Серые. Но пока вы и сами еще в игре.

Михаил облегченно выдохнул. Седой задумчиво качнул головой:

– Слушай, а почему ты так переживаешь-то?

Миша удивленно покосился на него:

– Ну как же? Будут еще всякие зеленокожие нами командовать! В рабство нас, того... ну, ты же говорил.

Седой усмехнулся:

– Ну, если ты опасаясь того, что попадешь на хлопковые и табачные плантации, где под палящим солнцем и понукаемый бичом надсмотрщика будешь собирать урожай, могу тебя успокоить. Такого рабства там, – он ткнул пальцем вверх, – уже давно нет. А то, что считается рабством у нас, могу сказать совершенно точно, тебе лично принесет столько и таких благ, причем благ именно в твоём представлении, что ты даже себе представить не можешь.

– Это каких таких благ?

– Ну, скажем, ты избавишься от большинства болезней, сможешь прожить лет на семьдесят – сто больше, тебе станут доступны путешествия не только на Оку или в Турцию, а в гораздо более далекие и интересные места... ну и многое другое. Скажу тебе честно, очень многие ваши политики, олигархи и светский планктон с радостью бы ринулись в подобное рабство. – Он замолчал, с интересом глядя на Мишу. А тот, наморщив лоб, напряженно переваривал услышанное. Что-то тут не стыковалось. Если рабство предусматривает все вышеизложенное, да еще и сверх того, что Седой скрыл под словами «и многое другое», то что же это за рабство получается?

– А где облом-то? – озадаченно спросил он.

Седой рассмеялся:

– Облом в том, что это все-таки рабство. Потому что, получая блага, ты отдаешь не абстрактную свободу, а самого себя. А если вам повезет остаться самими собой, то рано или поздно вы обретете все это и гораздо больше, не отказываясь от самих себя и... – Он задумчиво качнул головой и тихо закончил: – И в первую очередь от возможности самим определять, что и в какой момент будет вашими ценностями, а не принимать чье-то чужое определение таковых.

Миша снова наморщил лоб, но того, что рассказал сегодня Седой, и так оказалось слишком много для него. Поэтому он зло сморщился и потер виски.

– Черт, голова заболела...

Седой понимающе кивнул:

– Ладно, иди. Завтра и следующие несколько дней у нас дела, поэтому не ищи нас. А в субботу заходи – мы будем дома. И у нас к тебе будет дело.

Михаил поднялся, вышел в прихожую и начал одеваться. Уже вдев руку в левый рукав, он внезапно замер и, так и не натянув куртку до конца, пробухал надетыми ботинками к двери в кухню. Он решился спросить напрямую.

– Слушай, а зачем ты мне всё это рассказываешь?

– Что?

– Да всё.

– А откуда вопрос? – поинтересовался Седой.

– Ну... это... кто-то там умный говорил, типа ну если предупрежден, то тогда готов... или как-то так.

– Ах вот ты о чем... – Седой улыбнулся. – Praemonitus praemunitus, что означает: «Кто предупрежден, тот вооружен». Ну и как ты собираешься вооружаться?

Михаил озадаченно замер:

– Ну... я не знаю... но если правительство и эти, как их, фээсбэшники...

– А ты собираешься прийти в ФСБ и рассказать, что на Земле присутствуют несколько миллионов инопланетян? И как ты подтвердишь свои сведения?

Михаил озадаченно потер щекой о плечо. То же говорил и Черный. К тому же Седой вроде как считался корешем, а сдавать корешей считалось «в падлу». Но с другой стороны, если Седой не врет – а с чего бы ему врать-то? – опасность угрожала всей Земле.

– Нет, – Седой качнул головой, – мы с тобой в Кащенко не собираемся. Даже не проси.

– Куда?

– В психушку.

Михаил озадаченно уставился на Седого. Тот воздел очи к потолку и тяжело вздохнул, но затем все-таки пояснил:

– Именно туда тебя и отправят, если ты будешь настаивать, что знаешь о планах миллионов инопланетян захватить Землю, да еще утверждая, что тебе рассказал об этих планах один из потенциальных захватчиков. Так что мы в этом не участвуем и, уж извини, слов твоих подтверждать не собираемся.

Михаил снова наморщил лоб, оценивая логику Седого, а затем посмурнел:

– Так что, просто стебаешься, что ли?

Седой усмехнулся и махнул рукой:

– Иди, иди, до субботы...

В субботу Седой встретил его на пороге и уже одетым.

– Пошли.

Михаил безропотно двинулся за ним. Он уже успел пересказать Черному содержание предыдущего разговора и обсудить его, так что сейчас с нетерпением ждал продолжения. Но оно не последовало. Седой сел в свою «Ниву», кивнул Михаилу на соседнее сиденье.

– У нас есть для тебя работа.

– Чего делать надо?

– Съездить в одно место.

– Говно вопрос. Куда?

Седой назвал. Михаил наморщил лоб:

– Никогда не был. А где это?

– Часа три-четыре на электричке. Там тебя встретят.

– И что там делать?

– Позже расскажем, – отрезал Седой, выруливая со двора.

До Савеловского вокзала они добрались довольно быстро. Утром в субботу пробки на въезде в Москву бывают редко. Но только когда «Нива» Седого притормозила у вокзала, до Михаила дошло, что ехать нужно сейчас.

– Эй, Седой, а надолго ехать-то?

– Завтра вернешься, – сообщил тот.

– Блин, сказал бы сразу, я бы хоть зубную щетку из дома взял! – сердито пробормотал Михаил.

Седой насмешливо покосился на него:

– Да, гигиена – вещь очень важная... Ничего, одну ночь переживешь.

Михаил тут же опомнился. Да уж, нашел на кого бочки катить.

– Да я так, обойдусь, конечно...

Потом были несколько часов в электричке. Сначала в тамбуре, а потом, когда основная масса дачников, штурмовавших состав с саженцами наперевес, вязанками штакетника, лопатами, заботливо укутанными в холстину, и иным дачным скарбом, рассосалась по дачным платформам, Мишке нашлось место и в самом вагоне. В принципе поездка прошла довольно спокойно. Михаил купил пивка у вагонных разносчиков, сыграл в картишки со случайными попутчиками «на интерес по рублю», проиграл пару червонцев, но в общем все было рутинно.

На конечной станции к нему подошел дедок со всклокоченной бороденкой.

– Михаил? – несколько визгливым голосом поинтересовался он.

– Да.

– Меня зовут Никифор Петрович. Пошли.

И они двинули через пристанционную площадь, как и везде заполненную людом, торговавшим чем ни попадя. Единственным отличием было то, что в Москве эта торговля уже как-то обустроилась, а здесь по-прежнему торговали с пустых ящиков, раскладушек, а то и просто со старой клеенки, разложенной на земле.

Михаил завистливо покосился на бабок, расположившихся прямо у ступенек, ведущих на платформу, и выложивших на пустые ящики из-под яблок горки соленых огурцов и пакетики со свежеквашеной капустой. За весь день у него во рту маковой росинки не было. Только пиво. Но дед двигался вперед шустро и не оглядываясь по сторонам. По всему выходило – торопился. Так что Михаил счел за лучшее потерпеть еще немного. Сначала надо добраться до места, а там уж решать вопрос с питанием.

– Слава богу, успели, – шумно отдуваясь, сообщил ему дед, залезая в набитый народом пазик, – последний автобус ноне. Опоздали – пришлось бы на вокзале всю ночь куковать. А нам – нельзя. У нас – дело.

– Какое? – живо обернулся к нему Михаил. Но дед только сердито мотнул бороденкой.

До деревни добрались уже затемно. Дед выбрался из автобуса и столь же шустро двинулся куда-то в темноту. Михаил оглянулся по сторонам. Деревенька была небольшой, фонарь наличествовал только один, так что вокруг было темно хоть глаз выколи. Сразу за фонарем торчала покосившаяся изба с фанерной табличкой «Магазин» над полуразрушенным крыльцом. Миша покачал головой, недоумевая, как это он вот так просто согласился переться куда-то к черту на кулички, а потом спохватился и торопливо припустил за дедом. Не дай бог потеряет – и куда потом деваться в этой глухомани?

Дедова изба стояла на отшибе, за околицей. От автобусной остановки, обозначенной, похоже, только фонарем, они прошли почти километр. Михаил даже слегка пожалел деда, вынужденного при любой надобности проделывать подобный путь.

В избе было тепло. Дед включил свет и кивнул Михаилу в сторону стола:

– Садись, вечерять будем.

На ужин у деда были еще теплые щи, чугунок с которыми он вынул из печи. Щи Михаил не особо жаловал, но эти ему отчего-то понравились. И не то чтобы шибко наваристые, а вот есть в пище, приготовленной в настоящей русской печи, некая особенная прелесть, некое томление, недостижимое на газовой плите. Он и сам не заметил, как навернул полную миску. Дед, погремев посудой за занавеской, где, как видно, у него был устроен кухонный угол, вышел из избы. В туалет или покурить. Михаил же неторопливо смаковал «остатки сладки». Он только успел аккуратно слить в ложку последние капли щей и, сыто отрыгнув, откинуться на спинку стула, как сзади раздался голос Седого:

– Добрался? Отлично!

Михаил резко развернулся. Седой стоял в проеме двери, ведущей куда-то внутрь дома, поскольку входная дверь располагалась прямо перед лицом Михаила. Выходит, он уже был в доме, когда они приехали? Почему тогда не сел ужинать с ними?

– Значит, так. Нам нужно, чтобы через два часа ты вышел из дома и двинулся к лесу. На запад. Вот тебе компас, если вдруг в темноте заплутаешь. На опушке задержишься. Когда увидишь нечто необычное, сделаешь вот что. – Седой опустил руку в карман и вынул знакомый мешочек с бриллиантами. Достав штук шесть, он положил их на стол перед Михаилом. – Положишь их себе на ладонь. Как-нибудь вот так. – Он поместил один камень в центр, а вокруг него пятиугольником разложил остальные. – А потом протянешь ладонь в сторону этого самого необычного. При этом внешний вид этого необычного может измениться. Не пугайся. Так и должно быть. После того как все закончится или если почувствуешь, что тебе очень уж страшно и больше терпеть неможется, уберешь бриллианты и можешь уходить. Все понял?

– Да, – кивнул Михаил. То есть на самом деле ни хрена непонятно. Но что делать, запомнил. – А если я какой-нибудь камень потеряю?

Седой окинул его цепким взглядом, но затем, видно поняв, что Михаил спросил именно то, что спросил, а не потому, что имеет мысль «замылить» камешек, смягчил взгляд:

– Постарайся не потерять. Этим ты нас сильно подведешь, – после чего повернулся и скрылся за дверью.

Михаил несколько мгновений сидел, глядя на дверь, потом встrepенулся, подскочил и бросился к закрывшейся за Седым двери. Он решил уточнить, что именно тот имел в виду, когда говорил, что он увидит нечто необычное.

Михаил распахнул дверь и едва не приложился лбом о противоположную стену. За дверью оказался узкий чуланчик, заставленный всяким хламом, всего в шаг шириной и пару шагов длиной. Михаил оторопело обвел взглядом дощатые стены, потом поднял голову и осмотрел низкий потолок. Седому здесь деться было решительно некуда. На всякий случай он протянул руку и потолкал торцевую стену.

– Эй, милочек, – раздался из-за спины голос дедки, – там у меня чуланчик. Я и сам туда уже полгода не заглядывал. Ежели тебе до ветру, так это сюда. У нас городских туалетов нету. Все на улице...

Из избы Михаил вышел ровно через два часа, за час до полуночи. Небо было затянуто тучами, но не сплошь – кое-где проглядывали звезды. Так что в принципе дорогу и что творится под ногами, разглядеть было можно. До леса добрался минут за сорок. Вернее, до ближайших деревьев было рукой подать, и Михаил рассчитал, что достигнет их минут за пятнадцать неторопливым ходом, но, когда подошел поближе, оказалось, что эти деревья – всего лишь узкая лесополоса, разделяющая два поля. Так что он немного подумал, решил, что опушкой лесополосы называть будет неверно, поэтому сверился с компасом и двинул дальше по азимуту.

О том, что начинается нечто необычное, Михаил понял по тому, как заболели уши. Он торопливо поднялся с поваленного дерева, на котором устроился, добравшись до опушки, и полез в карман за бриллиантами, которые предусмотрительно завернул в обрывок газеты. Когда он развернул сверточек, ушам стало полегче, зато над лесом начало разгораться странное свечение. Оно было мертвенным и нервно мерцающим, как будто кто-то включил над лесом гигантскую, километров в пять, лампу дневного света и сейчас пускатель как раз пытался заставить светиться ионизированный газ. Михаил разложил бриллианты на ладони и завертел головой. Куда руку-то протягивать, вверх, что ли? Он осторожно поднял ладонь над головой – ничего не произошло. А ведь Седой говорил, что что-то должно измениться. Михаил подождал пару минут, но никаких изменений не заметил. Поэтому он сжал ладонь, стискивая бриллианты в кулаке, и решительно двинулся дальше в глубь леса.

Шагов через сто Михаил вышел на довольно обширную поляну. Мерцающий свет никуда не исчез, наоборот, он даже усилился. Впереди, над лесом, Миша увидел несколько огоньков. Они не были источником этого свечения, скорее наоборот, появились вследствие того, что этот мерцающий свет, будто бы некая жидкость, попавшая в несмешиваемую среду, сконцентрировался.

Михаил шумно выдохнул. Ему было шибко не по себе. Но куда деваться-то: если вышел на площадку – режь лед коньками и не зевай. Он раскрыл ладонь, торопливо поправил камешки, отчего-то сразу налившиеся этим самым призрачным светом, как будто кто-то включил внутри бриллиантов

микроскопическую подсветку, и протянул ладонь в сторону огоньков. Несколько мгновений ничего не происходило, затем мерцающий свет вздрогнул и мгновенно померк. А над головой Михаила, заслоняя небо, буквально из ниоткуда возникла огромная летающая тарелка...

5

– Ты точно ее видел?

– Вот как тебя. – Михаил даже слегка насупился. Неужели Черный думает, что он врет?

– И какая она была?

– Здоровая. Пол-леса закрывала.

– А снизу что было?

Мишка недоуменно потерся щекой о плечо.

– Не понял? А что там должно было быть?

– Ну... опоры всякие или иллюминаторы.

– Не, – Михаил отрицательно мотнул головой, – не было ничего такого. Просто гладкий корпус, вернее не совсем гладкий, по фактуре туф напоминает. И такая полоса по нему, светящаяся.

– А цвет какой?

Мишка задумался.

– Не могу сказать. Вроде как черный...

– А почему «вроде как»?

– Ну, он менялся все время. То черный, то с синим отливом каким-то, то вообще темно-темно-бордовый, но, может, это та мерцающая дымка виновата. Она как бы померкла, но совсем не исчезла. И еще огоньки...

Черный задумчиво кивнул. До последнего момента у него где-то внутри тлея искорка сомнения, некоторое опасение, что их все-таки обманывают... Что на самом деле никаких пришельцев нет и над Мишей просто, как он любил говорить, «стебаются». А что? Все, что до сих пор происходило с приятелем, вполне могло быть симитировано с помощью разных приспособлений, имеющихся на Земле.

Мишин страх, скажем, с помощью инфразвукового генератора или какого-нибудь галлюциногена, подмешанного, скажем, в воду, стакан с которой ему этак незаметно подсунил Седой, бриллианты тоже можно было симитировать с помощью стекла – технологии вполне известны. Те же знаменитые кристаллы Сваровски как раз и сделаны по технологии подделки бриллиантов. Насчет тетрадки Михаил также вполне мог оговориться ранее или просто не совсем точно запомнить разговор. Либо дать понять Седому каким-нибудь рефлексивным жестом, о чем собирается завести речь. Или тот ляпнул наугад и попал.

Тут, конечно, возникал вопрос соответствия ресурсов имеющейся задаче. Ну не используют для охоты на воробьев своры элитных охотничьих собак вкупе с тренированными соколами. Не нужно это. Но кто его знает, может, для Седого это все некое развлечение. Прихоть. А исторический опыт показывает, что люди готовы тратить на свои прихоти просто сумасшедшие деньги. Но летающая тарелка – это уже было серьезно.

– А Седой тебе что по этому поводу рассказал?

– Так я его еще не видел.

– Как это? – удивился Черный. – Это что ж, бриллианты всё еще у тебя?

– Ну да, – кивнул Михаил, – вот. – И он потянул из кармана маленький, завернутый в газету кулек.

– Так, – Черный торопливо вскочил на ноги, – пошли быстро!

– Куда?

– В институт. Сейчас точно пойдем, дурят нас или всё взаправду.

Михаил недоуменно покосился на приятеля, но без возражений поднялся и потопал следом.

Для того чтобы отличить настоящий алмаз от имитации, используется специальный «алмазный щуп», измеряющий теплопроводность исследуемого камня, какового у них не было. Алмаз имеет намного более высокое значение теплопроводности, чем его заменители. Кроме того, используется хорошая смачиваемость алмаза жиром: фломастер, заправленный специальными чернилами, оставляет на поверхности алмаза сплошную черту, тогда как на поверхности подделки чернила рассыпаются на отдельные капельки.

Все это друзья проверили сразу же. Правда, не с помощью специального фломастера, а использовав обычную гелиевую ручку. Но главным испытанием, окончательно убедившим Черного, оказалось значение показателя преломления, который они измерили в лаборантской кафедры минералогии. Он оказался чуть больше 2,4. Средний показатель преломления бесцветных кристаллов алмаза в желтом цвете равен примерно 2,417, а для различных цветов спектра он варьирует от 2,402 (для красного) до 2,465 (для фиолетового). Так что все совпало.

Спустя двадцать минут Черный вынул из зажима последний камень и ошеломленно отшатнулся от стола.

– Да-а-а, ты действительно таскаешь в этом газетном обрывке шесть бриллиантов очень чистой воды. Тысяч сто – сто пятьдесят баксов как минимум! То есть хотя бы в этом случае Седой не соврал. Да и вообще... – Черный покачал головой.

Его сокурсник вот уже несколько дней таскался по Москве и ее близким и не слишком окрестностям с шестью натуральными бриллиантами. Нет, он понимал, что если бы Седой не был уверен, что почти в любом случае эти камни, да еще,

похоже, с записанной в них важной информацией (а в том, что Михаил использовал бриллианты для снятия и хранения информации, Черный практически не сомневался), все равно никуда не уйдут, Михаил бы их и в глаза не увидел. Но на чем основывалась эта уверенность? На моральном облике и личных нравственных качествах Михаила? Или на чем-то более весомом? Ведь очень большое число людей, населяющих одну шестую часть суши и ее окрестности, заполучив в карман такой, как они бы посчитали, шанс, тут же рванули бы во все тяжкие, будучи твердо уверенными, что уж с такими-то деньгами они везде будут в шоколаде и сумеют спрятаться так, что их уже никто никогда не найдет. Это был еще тот вопрос. Но задавать его в лоб совершенно не следовало. Поэтому Черный ничего и не сказал о своих выводах Мише. С него станется...

На следующий день Михаил в институте не появился. А в понедельник, поймав взгляд Черного, молча кивнул.

Седого он застал дома в субботу. Позвонил в дверь, не слишком надеясь, что сосед дома. Дверь открыла его мать.

– Здравствуй, Миша.

– Здравствуйте. – Михаил неуклюже кивнул, отводя глаза. Он до сих пор не понимал, как смотреть в глаза этой женщине, если он точно знал, что в теле ее сына поселился некто совершенно чуждый. После разговора Миша много думал обо всем, что ему рассказал Седой, и, как он считал, понял, что тот имел в виду, когда говорил о рабстве. Вот же, пожалуйста, – рабство! Причем рабовладелец завладел не только телом, но вообще всем – сознанием, памятью, семейными узами. И пользуется всем этим в свое удовольствие.

– Проходи, он у себя.

– Спасибо.

Мать Седого, даже не подозревавшая, что в теле ее сына поселился чужой, и потому пребывавшая в, так сказать, безмятежности незнания, спокойно проследовала на кухню, а Михаил, раздевшись, постучал в дверь комнаты Седого. Тот не ответил. Михаил несколько мгновений подождал, а затем толкнул

дверь и вошел. Комната была пуста. Миша озадаченно огляделся. Мать же сказала, что он... Михаил вздрогнул. В одном из зеркал он заметил движение и, всмотревшись, ошарашенно сглотнул. В зеркале отражался Седой, который стоял пригнувшись у своего стола и что-то там делал. Михаил судорожно перевел взгляд на стол. Рядом никого не было. Он снова перевел взгляд на зеркало. Седой разогнулся и смотрел на него.

– Садись, мы сейчас...

Голос Седого донесся из зеркала чуть приглушенно, будто тот находился в соседней комнате. Михаил торопливо кивнул и рухнул на старенькую тахту. Седой в отражении снова склонился над своим столом, а потом выпрямился и, повернувшись, быстро ушел куда-то за раму зеркала. Михаил вытянул шею, заглядывая за раму.

– Да здесь мы уже, не тянись.

Михаил резко обернулся. Седой стоял около другого зеркала, расположенного по диагонали от того, в котором Михаил видел его, когда зашел в комнату.

– Это... как ты?

Седой пожал плечами.

– Да так... нужно было кое-что спрятать так, чтобы никто найти не мог. Да и вообще, с площадями у вас тут, на Земле, не очень. Моя одиночная тюремная камера и то больше была, чем вся эта квартира. Так что пришлось выходить из положения таким образом.

– А... если кто войдет? Ну, когда ты, – Михаил дернул подбородком в сторону зеркала, – там?

Седой покачал головой:

– Не войдет. И если ты про себя, то мы знали, что ты пришел, и не стали препятствовать тебе войти в комнату. Ты и так уже знаешь довольно много. И еще узнаешь. Так что это знание на самом деле тебе ничего особенного не

добавляет. – С этими словами Седой подошел к столу и, развернув компьютерное кресло, уселся в него.

– Принес?

Михаил торопливо кивнул.

– Да, вот, – он достал из кармана сверток с бриллиантами, – я давно хотел отдать, но тебя...

Седой сделал жест, который Михаил расценил как «не оправдываясь, все нормально», и, развернув сверток, высыпал на стол бриллианты. Окинув их цепким взглядом, он быстро расположил их тем пятиугольником, который показывал Мише в глухой деревне, и простер над ними ладонь. Несколько мгновений ничего не происходило, а затем губы Седого исказила саркастическая усмешка.

– И всего-то, – насмешливо пробормотал он, после чего открыл ящик стола, небрежным жестом смахнул туда бриллианты и повернулся к Михаилу: – Ну?

– Что?

Седой усмехнулся:

– Судя по выражению лица, у тебя к нам есть какие-то вопросы. Задавай.

Михаил нахмурился. Все эти дни он мучительно размышлял над тем, стоит ли вновь встречаться с Седым. Было сильное желание отдать бриллианты и навсегда распрощаться. Он даже поругался с Черным, утверждавшим, что ни в коем случае нельзя прерывать контакт. Потому что во время разговора с Седым у него все время присутствовало ощущение, что тот издевается над ним. Ну, как Лохматый – один пацан из их дворовой компании школьных времен – издевался над мелкими детишками, заставляя их выговаривать всякие сложные слова типа «децементация» или «дизоксирибонуклеин». И где только Лохматый их брал-то? Михаил и сам их выговаривал с трудом, но тогда от него это не требовалось. А вот если мелюзга не выговаривала – Лохматый отвечивал им «леща». И Миша ржал над мелюзгой вместе со всеми.

Так вот Михаил в разговоре с Седым чувствовал себя кем-то типа той мелюзги во время общения с Лохматым. Причем даже по поводу «леща» он был не очень уверен. Вроде как ему никто не отвечивал, но кто его знает, как оно на самом деле...

– Зачем ты мне все рассказываешь?

Седой откинулся на спинку кресла, и оно жалобно скрипнуло.

– Знаешь, правильный вопрос не зачем, а почему.

Михаил озадаченно нахмурил лоб:

– Это как?

– Понимаешь, мы рассказываем тебе это по своим собственным причинам. И если бы имели возможность этого не делать, то, можешь быть уверен, мы бы этого не делали.

Михаил несколько мгновений переваривал полученную информацию, затем осторожно поинтересовался:

– А чего за причины-то?

Седой вздохнул:

– Ты уверен, что тебе хочется это знать?

– Ну да.

– Разговор получится долгим.

– Да я не тороплюсь никуда. Танька сегодня с матерью к тетке поехала, в Тверь. Вернутся поздно. А дома мамка постирушку затеяла. Я ей только мешаться буду.

Седой усмехнулся:

– Ну, тогда конечно... Хорошо, слушай. – Он задумался. – Ты понимаешь, что ваша цивилизация развивается по технологическому пути?

Михаил озадаченно почесал ухо о плечо. Седой понимающе кивнул:

– Ладно, начнем немного по-другому. Ты знаешь, что твоему телу присущи некоторые способности. Ты можешь видеть, слышать, ходить, поглощать и перерабатывать некий набор продуктов от овощей до мяса, более-менее комфортно существовать в некоем диапазоне температур – от где-то градусов восемнадцати по Цельсию...

– По чему?

– По Цельсию – это фамилия того ученого, который изобрел шкалу градусника, которой вы пользуетесь.

Михаил непонимающе качнул головой:

– Мы пользуемся? А что, есть и другие?

– Ну да, причем даже у вас американцы и британцы, например, используют шкалу Фаренгейта, а при научных исследованиях чаще используют шкалу Кельвина.

Михаил поморщился:

– Ладно, проехали, так чего там о температуре?

Седой усмехнулся:

– Ну да, продолжаю. Так вот, средний человек, проживающий в данном климатическом поясе, чувствует себя достаточно комфортно при температуре от восемнадцати до где-то тридцати градусов. Если она ниже – он мерзнет, если выше – резко возрастает вероятность теплового удара, да и вообще жарко сильно. То есть для того чтобы расширить возможности комфортного существования на больший температурный диапазон, вам, людям, необходимы

некие технологические приспособления. Скажем, одежда, тем более теплая, чем при более низкой температуре вы планируете находиться, жилье с системой отопления, либо, наоборот, с кондиционированием воздуха. То есть для того чтобы раздвинуть рамки среды существования, вам нужны технологии. И вы их развиваете. Вон даже сумели обеспечить человеку производственное функционирование в условиях безвоздушного пространства на околоземной орбите, каковой факт вполне можно расценить как некую технологическую вершину вашей цивилизации. Мы понятно излагаем?

Михаил неопределенно кивнул:

– В общем, да.

– В то же время ты прекрасно знаешь, что человек, занимающийся моржеванием, может некоторое время чувствовать себя достаточно комфортно при температуре около четырех градусов, а, скажем, туареги или берберы уже веками живут при температурных пиках в плюс пятьдесят – шестьдесят градусов. То есть на самом деле возможности человеческого организма куда шире, чем кажется большинству на основании своего собственного, чаще всего очень ограниченного, опыта. Ну, скажем, тебе кажется, что плюс пятьдесят – это вообще умереть не встать, а какому-нибудь туарегу невозможно представить, что такое минус двадцать. Это просто смерть, причем почти мгновенная. А для якутов это даже не холодно. Холодно – это минус шестьдесят и ниже. Вот тогда они из яранги стараются не выходить... ну, если нет ничего срочного. Понимаешь? Михаил кивнул.

– Тогда идем дальше. Ты, вероятно, слышал о всяких колдунах, магах, гипнотизерах и экстрасенсах?

Миша небрежно хмыкнул. Нашел о чем спрашивать! Да рекламой этих придурков все газеты пестрят. Всякая там «госпожа Люба», «ясновидящая Яна», «магистр белой и черной магии Арикост»...

– А скажи, чем они принципиально отличаются от, скажем, космонавтов?

– Чего?

Седой вздохнул:

– Понятно... Ладно, зайдем с другой стороны. Ты в гипноз веришь?

– Ну, в гипноз – да.

– А слышал, как люди, попав в безвыходную ситуацию, совершали нечто, в обычных условиях им недоступное?

– Ну... – Михаил задумался. – Картавый рассказывал, что как-то на рыбалке запутался в сетке нейлоновой и стал тонуть, а когда уже вроде совсем кранты, так откуда только силы взялись – порвал сетку и выплыл. Вроде как не врал, уж больно ошарашенный был, когда рассказывал. И сетку потом показывал. Точно порвана, не разрезана.

Седой удовлетворенно кивнул:

– Что-то вроде этого я и имел в виду. Так вот, технологические цивилизации – это цивилизации, использующие для повышения устойчивости собственного существования и осуществления экспансии различные системы и механизмы. Нетехнологические идут другим путем. Они развивают себя, овладевают различными способностями, заложенными в той форме существования, которой одарили их создатели. Скажем, ваша цивилизация, когда ей потребовалось ускорить перемещение отдельных особей и грузов из одного места в другое, сначала изобрела телеги и кареты, а потом поезда и самолеты. А цивилизация, развивающаяся нетехнологичеким путем, сначала, скорее всего, научилась бы гораздо быстрее и дольше бежать, потом полетела бы, а затем овладела бы пространственным переносом. То есть перешла бы к использованию того, что на вашем языке называется магией.

– Чего?!

Седой ответил не сразу. Он некоторое время сидел, задумчиво глядя куда-то в пустоту и потирая пальцы, потом снова вздохнул и повторил:

– Ну, если коротко, вы двигаетесь по пути изобретения всяких приспособлений – машин там, микроскопов, кранов, ракет – и потому называетесь технологической цивилизацией, а есть другие, которые владеют тем, что вы называете магией. Так понятно?

– Так она что, на самом деле бывает? – недоверчиво спросил Михаил.

– Бывает, можешь нам поверить, – серьезно кивнул Седой.

Миша несколько минут напряженно морщил лоб, примиряясь с тем, что все те штучки, которые он считал сплошным разводиловом, на самом деле существуют.

– Хотя практически, – добавил Седой, – все те, кто у вас называет себя таковыми, к настоящей магии не имеют никакого отношения.

Лоб Михаила разгладился.

– Я так и знал!

– Отлично, двигаемся дальше. – Тут Седой снова замолчал и задумчиво потер пальцы. – Ну, например, так... По-твоему, можно ли сделать лодку, выдерживающую вес человека, из газетной бумаги?

Михаил хмыкнул:

– Ну ты даешь! Конечно нет!

– А, скажем, самолет из чугуна или свинца?

Миша нахмурился:

– Ты чего, меня за идиота держишь?

Седой вскинул руки:

– Не кипятись. Мы просто хотели показать, что даже в технологическом мире существуют некие ограничения по подбору задачи и используемых для ее достижения материалов. То есть если ты собираешься добиться некой цели, для тебя существуют определенные, не зависящие от тебя правила и законы, нарушая которые ни к чему хорошему ты не придешь. Понятно?

– Конечно.

– Так вот, у того, что у вас очень неточно и не совсем верно именуется магией, также есть некие правила и законы. И именно они ставят меня в такое положение, что я вынужден рассказывать тебе все то, что я тебе уже рассказал.

– Как это?

Седой развел руками:

– Вот так. Магия... ну, будем пользоваться этим термином, за неимением другого, – вещь очень жесткая. Предельная. Именно с ее помощью и была создана эта Вселенная, поэтому она предоставляет овладевшим ею так много возможностей, что на самом деле нет никакого смысла идти по технологическому пути. Но в то же время, поскольку она лежит в первооснове бытия, ее использование ограничено очень жесткими законами. И нарушать их – значит на начальных уровнях наживать себе очень серьезные проблемы, а выше – просто заниматься самоубийством. Причем не столько «само», но еще и убийством своей среды обитания, во всеобъемлемости этого термина, – то есть вещей, включенных в твое личностное пространство, людей, которые рядом с тобой, времени, в котором ты существуешь, твоей сущности бытия... – Седой вздохнул, как будто ему было тяжело говорить об этом, и продолжил: – К сожалению, ваши доморощенные колдуны и маги об этих законах никакого представления не имеют. Поэтому, поймав, во многом интуитивно либо опираясь на некие книги и артефакты, чаще всего созданные такими же интуитивистами, какую-нибудь из магических техник, радостно начинают практиковать ее направо и налево. За что потом практически всегда расплачиваются. Иногда вполне себе обыденно и даже не подозревая об этом. Просто считая, что пошла полоса неудач. А иногда просто жутко. – Он замолчал.

Молчал и Михаил. Некоторое время они сидели, думая каждый о своем, потом Миша тихо спросил:

– А какое это имеет отношение к твоим рассказам?

Седой пожал плечами:

– Мы должны соблюдать баланс.

– Как это?

Седой перегнулся через подлокотник кресла и двумя пальцами ухватил за ручку двухпудовую гирю, стоявшую в углу комнаты. Легко подкинув ее, он быстро переместил руку вниз, под гирю, и поймал ее на... вытянутый вверх указательный палец. Михаил вытаращил глаза. Седой совершенно без напряжения держал гирю на указательном пальце.

– Смотри. Для того чтобы откат не ударил по мне, по моему эгрегору, мы можем практиковать магию только вот таким, несколько экзотическим для твоего представления о мире, способом. Ну, типа, держать гирю на пальце, а не за ручку или просто обхватив. А для того чтобы она там удержалась, мы должны уметь найти баланс. При этом совершенно не важно, скажем ли мы всем вокруг, в том числе и, например, гире, что нашли баланс, про себя зная, что это не так, или будем искренне считать, что его нашли. Важен факт. Если мы нашли баланс и сумели его соблюсти – все получится, если нет – нам же будет хуже. Чего бы мы там о себе ни думали. Так вот для того чтобы соблюсти баланс – между чем и чем, пока не спрашивай! – мы вынуждены рассказывать тебе то, что ты хочешь узнать. Понятно?

Михаил некоторое время сидел, ничего не отвечая и напряженно размышляя над тем, что только что услышал, а затем поднял взгляд на соседа и тихо спросил:

– Так чего же вы собираетесь с нами сделать?

Седой усмехнулся и качнул головой:

– Я же сказал, про это пока не спрашивай. Всему свое время.

– А ты расскажешь?

– Да. А сейчас иди. Того, что ты услышал, для баланса пока достаточно, а альтруизма от меня ждать нечего.

– Это он? – Высокий, жилистый мужчина с лицом, самой выдающейся чертой которого были развитые челюстные мышцы, угрюмо смотрел на Михаила.

– Да, – спокойно ответил Седой.

Мужчина недоверчиво покачал головой:

– Станный выбор.

Седой не ответил.

Мужчина стиснул челюсти и кивнул:

– Ну что ж, пусть будет он, – после чего повернулся и вышел из палатки.

Михаил проводил его взглядом и украдкой вытер пот. До этого леса где-то под Тулой они с Седым добрались на его «Ниве».

Все началось еще вчера. Седой позвонил ему и спросил, не сможет ли он завтра прокатиться с ним «в одно место». Михаил как раз мучился над практическими задачами по теоретической механике, которые вытягивали из него все соки. Поэтому когда появилась вроде как веская причина отложить их на какое-нибудь отдаленное «потом», он с радостью ухватился за эту возможность. Седой вежливо поблагодарил и пообещал перезвонить завтра.

День у Михаила прошел бестолково. В институт он не поехал, правая стойка «шахи», которую он планировал собрать до воскресенья, также осталась валяться в гараже на верстаке в виде отдельных деталей. На тренировку он тоже не сходил, поскольку ждал звонка от Седого. Но тот позвонил только во второй половине дня.

– Ну как, готов?

– Давно уже, – с легкой обидой в голосе протянул Михаил. – Сказал бы, что поздно поедем, я бы, может, чего полезного сделать успел.

– Еще успеешь, – с легкой насмешкой в голосе отозвался Седой.

– Что?

– Сделать полезное. Давай выходи, я тоже спускаюсь. И пошустрее. Времени у нас в обрез.

Михаил торопливо оделся и выскочил во двор. Седой ждал его в «Ниве».

Из Королева выехали поздно, едва не угодив в вечерние пробки, обогнули Москву по реконструируемой и потому вечно забитой машинами МКАД и двинулись по Симферопольскому шоссе в сторону Тулы.

– Куда едем-то? – спросил Михаил.

Седой покосился на него и усмехнулся:

– Только сейчас вопрос возник?

Миша насупился:

– Ну нет, конечно. Но ты так сказал – мол, садись, времени мало, я и подумал, что опять куда-то в Москву. А там чего спрашивать: доеду – узнаю. А тут, получается, куда-то далеко едем. И я опять зубную щетку не взял.

– Пора бы привыкнуть носить ее в кармане, – назидательно заметил Седой. – На всякий пожарный. А что касается твоего вопроса, продолжай придерживаться прежней позиции.

– Это какой?

– Доедешь – узнаешь.

Доехали уже глубоко затемно. Часа через полтора после поворота с МКАД Седой свернул куда-то на боковую дорогу, затем еще раз, потом проехал по какому-то раздолбанному мостку, и дальше дорога пошла совсем в никуда. Седому

пришлось включить демультипликатор. А несколько раз он даже останавливал машину и вылезал из нее, чтобы осмотреть дорогу или потыкать лежащую впереди лужу срезанной веткой. Так что о том, что они таки доехали, Михаил догадался только тогда, когда Седой, в очередной раз остановив машину и выбравшись из нее, не стал нагибаться и смотреть под колеса, а просто двинулся куда-то в лес. Михаил посидел еще пару минут, затем также выбрался из «Нивы» и бросил взгляд в направлении, откуда они приехали. Видно было не слишком много, но то, что колея – аховая, ясно и так. И зачем они забрались в такую непролазную глушь?

Кое-что прояснилось, когда Миша, чавкая ботинками и чертыхаясь, углубился в лес вслед за Седым. Шагов через десять впереди замаячило пламя костра, с дороги отчего-то совершенно неразличимое, а еще через пяток шагов он разглядел большую оранжевую туристическую палатку высотой в рост человека. Около костра стояли и сидели на бревнах и лапнике человек десять – пятнадцать. Седого видно не было. Михаил остановился и настороженно завертел головой. Не хватало еще нарваться на кого-то чужого. В этот момент полог палатки распахнулся и из нее высунулся Седой. Посмотрев прямо на Мишу, он призывно махнул рукой.

В палатке вместе с Седым оказались трое. Все они уставились на Михаила, рассматривая его весьма бесцеремонно. Миша даже немного поежился. «Будто рентгеном просвечивают», – мелькнула мысль. Впрочем, возможно, так оно и было. Во всяком случае, все присутствующие вели себя совершенно спокойно и не задавали ему вопросов, так что, похоже, он оказался среди соратников Седого. А уж какими они обладали способностями, можно было только предполагать. В конце концов, даже Седой пока еще явно не раскрылся полностью, и было очень похоже, что полностью никогда и не раскроется.

Тут полог палатки распахнулся вновь и внутрь шагнул тот самый тип с развитыми челюстными мышцами...

После того как мужчина вышел из палатки, все пришли в движение. Двое из тех, что были в палатке вместе с Седым, выскочили наружу, третий расстегнул клапан, ведущий в другой отсек, и нырнул туда. Седой легонько хлопнул Михаила по плечу:

– Пошли.

– Куда?

– Увидишь. – И, предупреждая законный вопрос, добавил: – Считай, что пока еще не доехали.

Потом они шли через лес. Было холодно и сыро. Михаил злился на Седого за то, что тот не предупредил его, что придется таскаться по лесу. И потому обувь на ногах была для этого совершенно не приспособленная. Наконец они вышли к какому-то забору из колючей проволоки, тянущемуся прямо через лес. Шедший впереди мужчина с развитыми челюстными мышцами остановился, окинул Михаила недобрым взглядом и, слегка нагнувшись, голыми руками разорвал верхние нити колючей проволоки, после чего легко перешагнул через заметно уменьшившееся препятствие. Еще через полсотни шагов они ступили на неширокую просеку, вдоль которой тянулся еще один забор из колючей проволоки, а в пяти шагах за ним виднелся уже другой – из досок, высотой метра три и с козырьком из все той же колючки. Вдоль дощатого забора шла утоптанная тропа, посыпанная битым кирпичом. А немного дальше маячил караульный грибок с телефонной точкой. На столбах ближнего забора виднелись таблички «Стоять! Запретная зона!». Шедший первым мужчина с развитыми челюстными мышцами молча подошел к забору и так же спокойно порвал проволоку и на нем. Михаил нервно оглянулся. Седой был рядом.

– Слышь, тут, похоже, какая-то военная база. Вам точно туда надо? – несколько нервно спросил Миша.

– Иди, не волнуйся, – успокаивающе кивнул Седой.

– А если часовые?

– Не будет никаких часовых. – Седой снова хлопнул его по плечу. – Всё под контролем.

К этому моменту мужчина с развитыми челюстными мышцами уже подошел к забору из досок. Остановившись, окинул его цепким, внимательным взглядом, потом презрительно скривился и сделал руками несколько пассивных движений, будто раздвигал некую кисейную занавеску. После чего протянул обе руки ладонями вперед и несильно ударил по забору. Послышался громкий треск, и целая секция забора просто рухнула на землю. Михаил ошеломленно вытаращил глаза. Но для

остальных, похоже, произошедшее было вполне ожидаемым. Потому что никто не выразил никакого удивления. Все просто двинулись вперед через образовавшийся пролом.

За забором ничего не оказалось. Никаких складов, бункеров, бетонных крышек шахт межконтинентальных ракет или каких-то еще секретных военных объектов. Лес и лес. Еще через пару сотен шагов они вышли на открытую поляну. В дальнем ее углу, прямо напротив просеки, по которой шла высоковольтная линия, виднелась будка трансформатора, к ней тянулись провода. Больше ничего на поляне не было. Ну, если не считать крошечного озера, скорее даже просто большой лужи, располагавшейся прямо в центре поляны. Шедший первым мужчина с выраженными челюстными мышцами обошел лужу, приблизился к будке на десяток шагов и замер, опустив голову, слегка разведя ладони опущенных рук и чуть прикрыв глаза. Остальные также остановились и молча уставились на него. Несколько мгновений ничего не происходило, затем мужчина открыл глаза и хищно ощерился:

– Они здесь.

Все переглянулись. Михаил почувствовал, как в воздухе возникло и сгустилось возбуждение. Кто бы ни были эти «они», похоже, соратники Седого до сего момента были не слишком уверены, что застанут их на месте. И тут его взяли за плечи и развернули. Это оказался Седой.

– Слушай, – начал он, – сейчас мы атакуем базу Эббо. Ты идешь с нами. Твоя задача заключается только в одном: быть рядом с нами.

– Э-э, – Михаил отшатнулся, – так мы не договаривались! Я ни в каких ваших межпланетных войнушках участвовать не подряжался.

– Тебе ничего не будет угрожать, – примирительно сказал Седой, – мы будем защищать тебя.

– Ага, как же, – нервно буркнул Михаил, – так я и поверил.

– Ваш друг прав, – вступил в разговор лидер. – Мы не просто будем защищать вас. Мы обязаны это делать. Ведь ваша планета относится к мирам j-разветвленного будущего.

– И чего? – настороженно отозвался Михаил.

Мужчина пожал плечами, но терпеливо пояснил:

– Мы не можем провести здесь ни одной деятельностной операции без Регистратора. Вы и есть наш Регистратор. Мы просто не можем допустить, чтобы вам был нанесен тот или иной вред.

У Михаила слегка отлегло. Не то чтобы он поверил, будто ему действительно ничего не угрожает, но несмотря на то что он почти ничего не понял из объяснения Седого и этого, второго, похоже, они действительно по каким-то там своим мудреным причинам должны были его защищать. Как, впрочем, по тем же правилам должны были тащить его с собой на эту самую...стную операцию, или как там это называлось. Но лезть в заварушку все равно совершенно не хотелось. В первую очередь потому, что своих собственных целей у Миши в ней не было и быть не могло. Нет, если бы, скажем, родину надо было защищать или какому реальному уроду табло начистить, так он бы завсегда, но здесь...

– А без меня никак нельзя? – добавив в голос заискивающих ноток, спросил Михаил. – Я потом кому хочешь скажу, что все было нормально, без нарушений, или чего там надо будет сказать.

Мужчина отрицательно покачал головой. А Седой пояснил:

– Говорить никому ничего не придется. Тебя никто ни о чем не будет спрашивать. Ты просто должен быть рядом.

– А если я чего не запомню? Или в самый важный момент, ну, там сознание потеряю? – привел последний аргумент Михаил.

Седой усмехнулся:

– Это не важно. Можешь вообще ничего не запоминать и никуда не смотреть. Твоя функция состоит не в том, чтобы что-то видеть. Ты просто временная метка. Если кому-то потребуется воспользоваться Регистратором события, он просто пройдет по твоей временной линии до необходимого ему момента. На тебе это вообще никак не отразится. А вот приобретешь ты многое.

– Что?

Седой ответил очень серьезно:

– Как минимум год ты сможешь не беспокоиться о смерти. Мы обязаны обеспечить Регистратору достаточный промежуток времени существования как до, так и после регистрируемого события. Иначе произведенную нами операцию могут счесть нерегистрированной. – Он сделал паузу и добавил уже с неким демонстративным безразличием в голосе: – Впрочем, ты действительно можешь отказаться. Это создаст нам некоторые трудности и отложит операцию до того момента, пока мы не подготовим нового Регистратора, но особенно серьезных проблем не создаст. – Седой замолчал.

Некоторое время на поляне висела напряженная тишина, а затем мужчина спросил:

– Итак, что вы решили?

Миша нахмурился: это что, его на «слабо?», что ли, проверяют? Ну нет, шалишь! Он решительно кивнул:

– Я иду с вами.

– Отлично! – Мужчина развернулся к остальным и начал быстро командовать: – Вы трое – гардиант, вы – оло, вы – имос, вы, – он указал подбородком в сторону Седого, – охраняете Регистратора, при необходимости можете усилить свою группу за счет имос...

Михаил рукавом утер мгновенно вспотевшее лицо и, придвинувшись к Седому, тихо спросил:

– А где ваше оружие?

Седой терпеливо пояснил:

– Я же тебе сказал, мы сбежали на Землю совершенно без снаряжения. У нас нет возможности получить наше оружие.

– Ну и чего? – Миша нервно облизал губы. Ему совсем не улыбалось лезть в логово к загадочным Эббо в компании совершенно безоружных типов. – Хотя бы пистолетов, что ль, достать не могли? Да за один тот камушек, что ты мне тогда давал, сотню стволов купить можно, а за тот мешочек – дивизию вооружить.

Седой усмехнулся:

– Ваше оружие против Эббо бесполезно, но не волнуйся, у нас есть чем прижать их. Мы сами очень неплохое оружие. Даже при нынешней ограниченной функциональности.

Михаил глубокомысленно кивнул, опять ничего не поняв. Ну да ладно, раз уж ввязался в эту бодягу, главное – запомнить. Потом они с Черным разберутся. Он – парень башковитый и про Эббо знал еще до того момента, как Миша ему рассказал о том, что о них упоминал Седой. Между тем мужчина с выраженными челюстными мышцами закончил инструктаж и развернулся к ним:

– Все готово?

Седой кивнул. И мужик, встряхнув плечами, рухнул вниз... то есть это Мише только так показалось в первый момент, а потом он понял, что тот странным образом буквально утек сквозь почву, даже вроде слегка струясь, как вода. Миша только успел вытаращить глаза, как в его плечи вцепились пальцы Седого, и он почувствовал, что сам летит куда-то вниз, к земле и глубже, как будто подзолистая лесная почва под ногами куда-то исчезла или превратилась даже не в воду, а в воздух.

Это было жутко. Если бы не спортивный опыт, когда приходилось лететь по льду и заметно прикладываться о бортик или получать коньком по руке, Михаил бы точно заорал. Он и сейчас еле удержался, но как-то сумел собрать в кучу силу воли и челюсти и даже не зажмурил глаза. Хотя пока они летели сквозь землю, ничего особенно видно не было. Только какая-то темная пелена. Но никаких неприятных ощущений, даже песок в глаза не набился. Спустя несколько секунд Миша вдруг обнаружил себя под куполом гигантского зала высотой метров двести, а то и триста. Прямо под его ногами, метрах в ста ниже, возвышался

купол летающей тарелки. И он стремительно падал прямо на нее. Михаил заорал. При падении с такой высоты от него должны остаться только ошметки.

– Не бойся, не разобьешься, – слышался со спины голос Седого, который все еще продолжал держать его за плечи. И действительно через несколько мгновений падение сначала резко замедлилось, а затем и изменило траекторию. Миша стремительно пронесся вдоль бока летающей тарелки и кубарем рухнул на гладкий пол, покрытый не плитам и не асфальтом, а каким-то странным покрытием типа плотной резины. Во всяком случае, когда Михаил, слегка очухавшись, попытался подняться, оно еле заметно спружинило под его руками. Кое-как встав на ноги, Михаил напряженно огляделся. Все его спутники куда-то подевались, но Седой по-прежнему стоял рядом.

– А... где все?

Седой мотнул головой в сторону летающей тарелки:

– Большинство там, внутри, остальные исследуют базу.

Михаил уставился на летающую тарелку. Никаких отверстий или входных ворот в ее бортах видно не было. Сверху он тоже ничего подобного не разглядел. Как же тогда они проникли внутрь? Впрочем, возможно, входной шлюз, или что там у них было, находился с противоположной стороны тарелки. Михаил покосился на Седого и осторожно двинулся вдоль крутого бока корабля. В конце концов, он Регистратор или кто? Он же должен видеть все, что происходит.

Никакого шлюза с противоположной стороны тоже не нашлось. Михаил потыкал кулаком в странную поверхность тарелки, на вид шершавую, а на ощупь идеально гладкую и нахмурился.

– А как мне попасть внутрь-то?

– Зачем? – спросил Седой.

– Ну, я же этот... Регистратор – значит, должен регистрировать, что вы тут вытворяете. И вообще, раз уж я в это ввязался, то хоть внутри летающей тарелки побываю.

Седой усмехнулся:

– Ты не понял. Твоя функция Регистратора заключается только в том, чтобы быть здесь. И все. Ничего видеть необязательно. Само твое присутствие в месте действия уже создает возможность всем, кому это может оказаться необходимо, увидеть и узнать все, что им нужно.

Михаил разочарованно скривился:

– И чего, даже посмотреть нельзя?

Седой вздохнул, пожал плечами, протянул руки и снова ухватил Михаила за плечи:

– Ну ладно, пошли, – после чего сильно толкнул его спиной прямо на стенку тарелки.

Михаил судорожно сглотнул, прищурился, ожидая сильного удара о борт, и... в следующее мгновение оказался внутри тарелки.

Внутренности корабля оказались вполне себе ничего. Не совсем, как в кино, но и не шибко пугающие. Чуждость чувствовалась, но не резко, а этак налетом. А так все было похоже на то, как это делали люди. Длинные коридоры, иногда расширявшиеся до залов, пологие пандусы, но никаких стульев, только что-то типа очень низких лож, причем весьма непривычной формы. Стены, пол и потолок были покрыты смесью разноцветных узоров причудливой и даже несколько режущей глаз формы. Да и цвета, используемые в этих узорах, казались слегка диссонансными (Черный потом сказал, что, возможно, у тех, кому принадлежала эта тарелка, просто было другое цветовосприятие). Они поднялись по пандусу на два уровня и вошли в центральный зал, почти сплошь уставленный уже привычными ложами. Впрочем, здесь оказалось и несколько предметов, очень напоминающих обычные офисные кресла.

Бо?льшая часть группы, в том числе и мужчина с ярко выраженными челюстными мышцами, обнаружили здесь. Напротив него стояли трое людей – пухлая бабушка в старенькой вязаной кофте и очках с толстыми стеклами, некрасивая девица какой-то очень деревенской внешности и мужик средних лет с хорошо развитым брюшком и явно наметившейся лысиной. В тот момент, когда

они вошли, мужчина с ярко выраженными челюстными мышцами как раз положил руку на голову деревенской девице. Та несколько мгновений с ненавистью смотрела на него, а затем ее лицо исказилось в жуткой гримасе, и она закричала.

– Чего это он людей мучает? – насупившись, повернулся Михаил к Седому. Тот в ответ усмехнулся:

– Это не люди.

– А кто?!

– Ну я же тебе говорил, что все, кто находится на Земле, используют меры маскировки. Так вот это – Эббо, просто замаскировавшиеся под людей.

– Да ладно, – недоверчиво качнул головой Михаил, – а чего ж они такие, такие...

– Блеклые и некрасивые? – подобрал недостающее слово Седой. – Так ведь это только в кино инопланетяне, маскирующиеся под людей, все сплошь красавцы и красавицы. На самом деле это не слишком разумно для тех, кто не хочет привлекать к себе внимание, ты не находишь?

В этот момент девица снова закричала. Ее била крупная дрожь. Михаил опять насупился. Эббо это были или не Эббо, но выглядели они как люди, а ему всегда очень не нравилось, когда людям, особенно женщинам, делают больно. Похоже, эти эмоции так явственно обозначились на его лице, что Седой поморщился и снова заговорил:

– Пойми, это не люди. К тому же то, что они испытывают боль, это результат, во-первых, их собственного упрямства и, во-вторых, нашей нефункциональности. Если бы мы обладали всеми нашими возможностями, то никакой боли не было бы. Но к сожалению, сейчас мы способны снимать информацию нужной нам глубины, да еще в условиях противодействия, только так. Извини.

Михаил молча отвернулся. Седой несколько мгновений смотрел на него, потом тяжело вздохнул и негромко произнес, обращаясь к допрашивающему:

– Открой кого-нибудь. Он не верит.

Мужчина повернул голову, окинул их недовольным взглядом, затем оторвал руку от девицы и, развернувшись к бабушке, точным жестким движением ухватил ее за уши так, что очки на носу вздыбились. Михаил зло скрипнул зубами. Вот теперь еще и бабушку мучают... Та охнула, а мужчина резким движением... содрал с нее тело.

7

– Нет, ты представляешь, оно было там, сидело там, внутри этой бабульки!.. – Михаил сделал большой глоток пива и шумно выдохнул, вновь переживая момент, выбивший тогда его из колеи.

– И на что оно было похоже?

Михаил пожал плечами:

– На насекомое. Ну, типа муравья.

– А может, богомола?

Михаил недоуменно воззрился на Черного:

– Кого? Монаха?!

Черный терпеливо пояснил:

– Богомол – это насекомое. Он отличается тем, что передняя часть его туловища стоит вертикально и передняя пара ног висит в воздухе и используется, ну, как руки у человека, для всяких там действий.

Михаил задумался, припоминая.

– Да, похоже на то.

– А потом что? – нетерпеливо спросил Черный.

– Да я не особо и помню, – признался Миша. – Я как увидел, что внутри у этой бабульки, так просто в ступор впал. Седой мне еще что-то там говорил, но я ни хрена не помню. Как отшибло. Только все пялился на этого урода и глазами хлопал.

– Вообще ничего не помнишь?

– Не-а. То есть кое-что, конечно, помню... они затем еще с этими, ну, которые под людей замаскированы, разговаривали. А потом мы оттуда выбрались.

– Как?

– Да с помощью лифта. Он как раз в ту трансформаторную будку и выходил. И обратно тем же маршрутом дошли до лагеря. Мы с Седым сразу же отправились к машине и вернулись в Москву.

– А остальные?

– Те там остались, но, похоже, ненадолго. Когда мы уезжали, они как раз начали палатку сворачивать.

– А что они там искали-то?

Михаил пожал плечами и вновь глотнул пива.

– Да не знаю я. Но судя по всему, того, что искали, они там не нашли.

– Почему ты так думаешь?

– Да они какие-то смурные потом были все. Седой тоже всю дорогу молчал. И мужик тот, с пастью... тоже недовольный был сильно... Или, может, они узнали что-то неприятное? – Михаил допил пиво и, нагнувшись, бросил пустую бутылку

в кучу мусора, буквально похоронившую изъеденную ржавчиной урну. Москва и раньше не отличалась особенной чистотой, но перестройка, ускорение и последовавший за ними переход к свободе и демократии окончательно загадили столицу некогда великой, а сейчас развалившейся на части страны. Миллионы населявших ее людей теперь были по большей части заняты попытками найти свое место в том хаосе, в который превратилась жизнь, так что им не было никакого дела до двух молодых парней, сидящих на лавочке в парке ЦДХ. Тем более что народу в этом парке практически не было. Лампочки в парковых торшерах частью перегорели, частью были побиты, так что когда наступали сумерки, редкий прохожий рисковал сократить путь через мрачную темноту.

– Ладно, пошли в метро, – подытожил Черный, после пары вопросов поняв, что ничего больше из Миши сегодня извлечь не удастся. Михаил уныло кивнул и поднялся с лавочки.

– Слушай, – начал Черный, когда они уже подходили к «Октябрьской», – а Седой больше про мою тетрадь никаких разговоров не заводил?

– Не-а, – качнул головой Михаил и, кивнув однокурснику, с которым его теперь так крепко связывала общая тайна, нырнул в распахнувшиеся двери.

В институте Михаил появился только через полторы недели. Весь день он старательно отводил взгляд, когда Черный пытался поймать его. У них уже как-то сложилось, что все разговоры о Седом и обо всем, что с ним связано, они вели только после занятий, причем где-нибудь в стороне от людей. Но просто кивнуть или сделать какой-нибудь знак можно же было...

В знакомом сквере до Черного наконец дошло, что Михаил страшно напуган. Он молча присел рядом. В таком состоянии у человека очень неустойчивая психика. Неловкое движение, неудачная фраза да просто неуместная с его точки зрения улыбка или какая иная гримаса могут сразу вызвать неприятие. И все – разговор закончится, не начавшись.

Михаил молчал недолго.

– Понимаешь, мы обречены!

– Обречены?! – не понял Черный.

– Ну да... – Миша яростно потер лицо. – Нас продали. Понимаешь? Продали!

– Кто?

– Создатели. Они сначала создали нас, а потом бросили. Ушли. Но сохранили права на Землю.

Черный несколько мгновений переваривал шокирующую новость, а потом потребовал:

– Рассказывай...

Седой торчал на кухне и пялился в экран маленького телевизора, на котором какой-то кретин вещал на всю страну о возрождении тысячелетней Руси и христианских ценностях. Хотя любому нормальному человеку уже давно было ясно, что такое государственное образование, как Россия, кончилось и единственное, что можно сделать, – это продать все, что только можно – от ржавой «копейки» до, скажем, Магнитогорского металлургического комбината, – и валить отсюда в нормальную страну, в которой априори не может быть никаких перестроек, ускорений и всяческих кризисов.

– Привет, – равнодушно поприветствовал он Михаила, – чего пришел?

– Так я это... – неловко начал тот, – спросить хочу.

– Валяй!

– А ты не можешь дать мне точные координаты места, где, ну, та тарелка под землей была?

Седой молча поднялся и вышел из кухни. Спустя минуту появился вновь и небрежно швырнул на кухонный стол автомобильный атлас.

– Другой карты нет, извини. Открой страницы семнадцать – восемнадцать.

Михаил послушно раскрыл атлас. Он не ожидал, что Седой вот так просто решит пойти навстречу. Думал, что его придется уговаривать, придумывал разные причины, по которым ему (ну конечно, как Регистратору) просто необходимо знать точные координаты той операции. А Седой даже не спросил ничего.

– Верхний правый угол – лесной массив, вот вся нижняя треть, от просеки и до озера, и есть то место, где расположена база. Уж не знаю, по каким учетам она проходит – военным или, скажем, госрезерва.

– А как вы про нее узнали?

– У нас свои способы, – уклончиво ответил Седой.

Михаил задумчиво потер лоб. Что-то не складывалось. Похоже, столь спокойная реакция Седого на его просьбу была вызвана не неким, пока еще мало понятным законом баланса, от которого Седой и плясал все это время, а просто тем, что ему отчего-то стало на все наплевать.

– Слушай, а чего случилось-то?

Седой отвел взгляд от «говорящей головы» на экране и насмешливо посмотрел на Михаила.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты какой-то смурной все время, как с той базы вернулись. Что там произошло?

Взгляд соседа изменился. Он несколько мгновений пристально разглядывал Михаила, а затем вздохнул и ткнул пальцем в кнопку пульта. Телевизор погас.

– Наверное, вы имеете право знать... – задумчиво пробормотал Седой, а затем кивнул Мише на табурет напротив себя. – Садись.

Тот послушно опустился на табурет.

– Что ты слышал о «яйцеголовых»?

Миша недоуменно пожал плечами:

– Ну, это... ученых всяких так прозывают.

– Я не о них. Просто заметил, что ты начал читать ваши тексты по поводу контактов с иными цивилизациями. По большей части это, конечно, мусор, но в любой куче мусора всегда можно найти и нечто полезное. При удаче, конечно, или если знать, что искать. Там такого прозвища не встречал?

– Да нет... не встречал, – честно признался Михаил. – А что?

Седой криво усмехнулся, скорее даже оскалился:

– Ну, тогда слушай. Яйцеголовые – одна из наиболее развитых технологических цивилизаций. Что уже ставит ее особняком. Все развитые цивилизации этой Вселенной являются магическими или, если тебе не очень нравится это слово, можешь назвать их псионическими или экстрасенсорными. Хотя ни один из этих терминов не полон, да и, по большому счету, неверен. Это не какой-нибудь закон или воля неких иерархов, просто в определенный момент издержки на развитие технологической цивилизации оказываются столь высоки, что дальнейшее развитие становится почти невозможным. Наступает кризис, который заканчивается либо деградацией и гибелью цивилизации, либо переходом на нетехнологический путь развития. Так вот, яйцеголовые – это на данный момент единственная цивилизация, сумевшая преодолеть подобный кризис и остаться на технологических рельсах. Поэтому они стоят в иерархии влияния во Вселенной таким особняком. От остальных технологических цивилизаций, которые по шкале развития отстоят от вашей не так уж далеко, они давно оторвались, но к слою наиболее влиятельных принадлежать не могут. В первую очередь, вследствие большой разницы в ценностях.

Михаил наморщил лоб:

– В чем? Они что, беднее вас, что ли, и поэтому не тянут?

Седой вздохнул и покачал головой:

– Не совсем, хотя насчет «беднее» ты прав. Они действительно обладают на порядки меньшими ресурсами, чем наша цивилизация. Но дело не в этом. Просто... ну, например, они все еще способны лгать. – Седой замолчал, спокойно глядя на своего собеседника.

Миша потер щекой о плечо. И что? Не, ну врать направо и налево он и сам не любил. Но, скажем, посидеть с мужиками в гараже, а после Таньке сказать, что тренировка затянулась, так кому от этого плохо-то?

– Причем лгать не просто фактически, а и умышленно, – продолжил между тем Седой. – То есть говорить не только то, что им кажется правдой, но на самом деле не является ею, а и то, о чем они заведомо знают, что это ложь. Просто потому, что в данный момент им выгодно так говорить.

Михаил озадаченно уставился на соседа. Ну... в общем, он это и имел в виду. Хотя совершенно непонятно, в чем проблема-то?

– И что? Ну, если знаете, что они могут заливать, так просто будьте на стрёме. В чем вопрос?

Седой недоуменно посмотрел на него, как будто Миша только что ляпнул нечто совершенно идиотское, потом в его глазах мелькнула досада, причем, похоже, не на собеседника, а на самого себя, и он тихонько вздохнул:

– Ладно, проехали. Просто прими как данность, что ни одна из наиболее развитых цивилизаций не горит желанием иметь какие-то отношения с яйцеголовыми. По существу, они изгои, наличие которых всего лишь терпят, стараясь по возможности минимизировать любые контакты. Тем более что это достаточно просто. Ибо разные энергетические основы большинства развитых цивилизаций и яйцеголовых делают невозможной конкуренцию из-за ресурсов. Нам просто не нужно то, что их интересует, а они никак не мешают нам. Понятно?

– Да, – кивнул Миша, пока, впрочем, совершенно не понимая, зачем Седой ему это рассказывает.

– Так вот... – Седой сделал паузу, окинул Михаила оценивающим взглядом, будто все еще сомневаясь, рассказывать ему то, что собирался, или нет, а затем все-таки продолжил: – Яйцеголовые, их еще называют Клэреот... купили вас.

Михаил несколько мгновений недоуменно пялился на Седого, никак не осознавая только что услышанное, а затем переспросил:

– Кого?

– Вас, Землю.

Миша растерянно моргнул. Нет, он не какой-то там... новости смотрим. И видели, как где-то там, в Прибалтике, после того как распался Союз, целые дома вместе с жителями продавали и перепродавали по несколько раз и как народ из-за этого мучился. Но всю Землю?! И что же им теперь так же, что ли? Непонятки какие-то получаются.

– Как это?

Седой снова вздохнул:

– Для нас самих это неожиданность. Обычно Создатели так не поступают. Пока есть необходимость – они ведут эксперимент, а затем либо включают Созданных в свою цивилизационную вертикаль, либо просто отпускают в... как у вас говорится, свободное плавание.

– То есть какие это создатели?

Седой озадаченно посмотрел на Мишу:

– Как – какие? Ваши. – И недоуменно качнул головой. – А ты думаешь, откуда вы взялись?

– Так это... – Миша наморщил лоб. – Ну, развились. Из этих... как его, обезьян.

Седой несколько мгновений пялился на Мишу, а затем громко расхохотался:

– Обез... обез... ой, уморил... Нет, вы только послушайте! Из обезьян... Ой, не могу!..

Миша насупился.

– И нечего ржать, – сурово начал он. – Наукой доказано...

– Наукой?! – воззрился на него Седой. – То есть ты имеешь в виду вашу науку? – И он заржал с новой силой, не обращая внимания на то, что на Мишиной физиономии нарисовалась гримаса сильной досады. Ну не привык он, чтобы над ним ржали.

– Прости, – мотнул головой Седой, когда чуть успокоился, – не удержался. Уж больно забавно это прозвучало – «наукой доказано»...

– И ничего забавного, – набычившись, огрызнулся Михаил. – А ты что, хочешь сказать, что нас, как в Библии говорится, из глины слепили?

Седой пожал плечами:

– Не совсем, но можно сказать и так. Из биологической глины, так сказать. Зачем создавать исходный материал для эксперимента на пустом месте, если можно взять местный и модифицировать в необходимую тебе форму? С вами так и поступили. Очень напоминает работу гончара, ты не находишь? Взять из земли глину и придать ей нужную тебе форму на гончарном круге.

Михаил снова потер щекой о плечо:

– Но ведь наука...

– Ваша наука, уж можешь мне поверить, пока еще только создает версии, а не познает истину. Ты когда-нибудь пытался проанализировать, как менялись взгляды вашей науки на протяжении хотя бы последних двухсот лет? В большинстве областей разворот на сто восемьдесят градусов. В восемнадцатом веке ученые и антиклерикалы яростно утверждали, что воскрешение невозможно, что если человек умер – так это конец. А сейчас любой заштатный хирург районной больницы к двадцатилетнему рубежу практики имеет на своем

счету несколько выведений из состояния клинической смерти. И ничего, Господом себя не чувствует. Так же и в других областях – физике, химии, биологии. Вы что же, действительно считаете, что Вселенная возникла в результате того, что вы называете Большим взрывом, а скорость света – верхняя граница скорости во Вселенной?

– Ну... не знаю.

Седой покачал головой, потом вздохнул:

– Ладно, оставим это. К тому же все эти темы ничуть не приближают нас не просто к решению, но даже к осознанию возникшей перед нами проблемы. Итак, прими как данность: у вас есть Создатели. Мы называем их «Создатели из рас». Во-первых, потому что они сами в свое время были созданы, и во-вторых, потому что вы появились в результате эксперимента, который затеяли несколько рас. Так вот эти Создатели сделали вас для того, чтобы с вашей помощью провести некий эксперимент.

– Какой?

– Не важно... пока не важно. А важно то, что эксперимент пошел несколько по другому пути, чем планировалось. Конечно, для экспериментатора негативный результат – тоже результат. Причем нередко не менее, а временами и более интересный, чем планируемый. Но не в вашем случае. С вами все было так, как происходит чаще всего. Развитие эксперимента ваших Создателей совсем не обрадовало. И они посчитали, что эксперимент зашел в тупик. Но поскольку, сотворив вас, они приняли на себя бремя и обязанности Создателей, им приходилось и дальше нести за вас ответственность. Хотя эта ответственность уже давно их тяготила. Включать вас в свою цивилизационную вертикаль ваши Создатели не собирались, отпускать вас в свободное плавание было довольно опасно, поскольку вы такие, какие получились, могли натворить множество неприятностей, вина за которые все равно легла бы на ваших Создателей. Так продолжалось до последнего времени. Но недавно вопрос, что же с вами делать, окончательно обострился. Потому часть рас из числа ваших Создателей начала испытывать нехватку ресурсов и в ультимативной форме потребовала от остальных решить вопрос с вами окончательно... – Седой замолчал, уставив взгляд на Михаила.

– И как? – послушно спросил тот.

– Закрывать эксперимент.

Михаил наморщил лоб. Он не совсем понимал, что означают слова Седого, но от его тона явно несло какой-то угрозой.

– Что значит – закрыть эксперимент?

– Уничтожить вас, вашу цивилизацию. То есть привести ваш вид в исходное состояние.

– Что?! – Миша вытаращил глаза.

Седой молча кивнул, а затем, через пару минут напряженной тишины, заполнившей кухню, тихо продолжил:

– Это очень негативный шаг. Настолько негативный, что ваши Создатели тянули с ним сколько могли. Потому что тот, кто совершает подобное – уничтожает созданное, – на очень долгое время лишается возможности созидать.

– И правильно. Да я бы на вашем месте их вообще всех к стенке... – зло пробормотал Миша.

Седой покачал головой:

– Мы тут ни при чем. Просто... я тебе говорил, что развитые цивилизации практически не могут лгать. Это явление того же порядка. Ну, представь себе, что некий ваш земной ученый-экспериментатор создает новое вещество... или соединение. И в процессе эксперимента оно... взрывается. И этот взрыв наносит ему некие увечья. Ну, там глаз вытек, руку оторвало, оглох, ожоги на девяносто процентов тела... Так что прежде чем он вновь окажется способен производить новые эксперименты, ему придется очень долго и упорно лечиться. Да и потом, когда он вылечится, его возможности все равно будут сильно ограничены. Без руки и глаза-то... Так и здесь. Ты уже понимаешь, что способности более развитых рас не ограничиваются одними возможностями физического тела. Многое лежит там,

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/roman-zlotnikov/tochka-perehoda>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)